

**ИНСТИТУТ НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ (ИНИР)
им. С.Ю. ВИТТЕ**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКСПЕРТНЫЙ ДИАЛОГ
«ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИЙ:
ПОДВОДЯ ИТОГИ».**

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОГО СЕМИНАРА

**Санкт-Петербург
2017 г.**

Институт
нового индустриального развития
(НИИР) им. С.Ю. Витте

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКСПЕРТНЫЙ
ДИАЛОГ
«ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИЙ:
ПОДВОДЯ ИТОГИ»**

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОГО СЕМИНАРА

7 ноября 2017 года
(Санкт-Петербург, Дом ученых,
Дворцовая наб., 26,
Дубовый зал)

Санкт-Петербург
2017 г.

Международный экспертный диалог «Через 100 лет после Революций: подводя итоги» / Материалы научного семинара ИНИР им. С.Ю. Витте / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2017. – 83 с.

ISBN 978-5-00020-045-2

ISBN 978-5-00020-045-2

9 785000 200452

© Коллектив авторов, 2017

© Институт нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2017

Введение

«Через 100 лет после Революций: подводя итоги» – так было озаглавлено весьма необычное мероприятие – научный семинар Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте «Международный экспертный диалог», прошедший 7 ноября, в день столетия Октябрьской революции в Доме ученых РАН (г. Санкт-Петербург), состоявшийся (и это было не простым стечением обстоятельств) на Дворцовой набережной, в двух шагах от Зимнего дворца, где закончилась в этот день 100 лет назад власть Временного правительства.

Ведущие ученые и эксперты Российской академии наук, Московского и Санкт-Петербургского университетов, гости из многих стран мира обсудили предварительные итоги многочисленных мероприятий, посвященных анализу Великой российской революции 1917 года и прошедших на протяжении всего нынешнего года в десятках стран мира. В России серию этих дискуссий открыла инициированная Вольным экономическим обществом (ВЭО) России международная научная конференция «Город трёх Революций: к столетию российских революций XX века», стартовавшая в дату Кровавого воскресенья 1905-го года, в Таврическом дворце Санкт-Петербурга – одном из центров рождения новых органов власти, созданных Февральской революцией. Тогда, в январе 2017 года, ученые и общественные деятели России и наши зарубежные гости подчеркнули: революция в октябре 1917 года, продолжившая импульс событий 1905-1907 годов, стала не случайной. Империя была полна глубочайших социально-экономических противоречий, одно из которых – между объективной необходимостью ускоренного индустриального развития и отжившими свое социально-экономическими формами Российской империи, было рассмотрено особенно пристально. И это неслучайно: сегодня, 100 лет спустя, Россия вновь стоит перед необходимостью глубокого обновления социально-экономических отношений и промедление в этом вопросе может дорого обойтись нашей стране.

На Диалоге в ноябре 2017 года эта тема была продолжена. Его участники вновь подчеркнули: серия дискуссий, прошедших за эти

месяцы, не опровергла выводов, сделанных в Таврическом более остается императив: российская экономика должна быть переориентирована на приоритетное развитие человеческих качеств, высокотехнологичного материального производства, решение задач обеспечения социальной справедливости, и это – один из уроков столетней давности.

Важное место в программе Диалога, прошедшего в Доме ученых, заняла презентация книги Самира Амина «Россия: долгий путь от капитализма к социализму». Автор этой работы – ученый с мировым именем, один из создателей мир-системного подхода – показал будущее России обязательно должно учитывать не только имперский, но и советский опыт развития, принимать во внимание рожденные Революцией импульсы исторического движения к социализму, императивы социализации и гуманизации экономики.

Инициатор и руководитель Диалога, президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте С.Д. Бодрунов, подводя итоги встречи, подчеркнул: «России нужны не политические перевороты, а переход к качественно новому – основанному на индустрии XXI века и интеграции знаний производств, науки, образования и культуры – ноосферно-ориентированному типу развития».

*A.A. Золотарев, исполнительный
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, к.э.н.*

**Программа
научного семинара
Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте
«Международный экспертный диалог
«Через 100 лет после Революций: подводя итоги»**

7 ноября 2017 года
(Санкт-Петербург, Дом ученых им. М. Горького РАН,
Дворцовая наб., 26, Дубовый зал)

**10.00 – 11.30. Междисциплинарный научный диалог
экспертов, посвященный 100-летию российских революций и
завершающий цикл дискуссий, начатых международной научной
конференцией «Город трёх Революций: к столетию российских
революций XX века» (26.01.2017 г.)**

Презентация проблемного поля диалога:

Бодрунов Сергей Дмитриевич – д.э.н., профессор, директор
Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте,
президент Вольного экономического общества России.

Основные участники диалога:

- Амин Самир – профессор, директор Третьего Мирового Форума и председатель Всемирного альтернативного форума, Сенегал;
- Тощенко Жан Терентьевич – д.ф.н, чл.-корр. РАН, почетный доктор Института социологии РАН, Главный редактор журнала «Социс»;
- Калашников Владимир Валерьевич – д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина);
- Колганов Андрей Иванович – д.э.н., профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем МГУ им. М.В. Ломоносова;
- Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна – д.ф.н., профессор философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

11.30 – 12.30. Презентация книги Самира Амина «Россия: долгий путь от капитализма к социализму».

Вступительное слово:

Бодрунов Сергей Дмитриевич – д.э.н., профессор, президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте.

Выступающие:

– Амин Самир – автор книги «Россия: долгий путь от капитализма к социализму»;

– Бузгалин Александр Владимирович – д.э.н., профессор, руководитель Центра современных марксистских исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель московского отделения Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте;

– Дворжак Херман – профессор, координатор Австрийского социального форума, Австрия;

– Дзарасов Руслан Солтанович – д.э.н. профессор, заведующий кафедрой политической экономии РЭУ им. Г.В. Плеханова;

– Матсас Саввас – профессор, Университет Афин, Греция;

– Рязанов Виктор Тимофеевич – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета.

А.В. Бузгалин,
руководитель Центра современных марксистских исследований
МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель московского отделения
Института нового индустриального развития
им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор
(модератор семинара)

Вступительное слово
(стенограмма)

Здравствуйте, коллеги! Рады вас видеть снова здесь. Что заметил профессор Бодрунов? Десять ноль-ноль, с интеллигентными людьми такое случается только в день столетия революции, чтобы ровно в то время, когда мы должны начать, мы начинаем. Мы начинаем не революцию, мы начинаем очень серьезный, очень важный, крайне актуальный разговор о том наследии, о тех уроках, о тех вызовах, которые события столетней давности адресуют всем нам. Этот разговор идет в относительно кулуарном формате, но мы специально выбрали именно такой формат. Формат экспертов, которые беседуют друг с другом, и имя, знания, талант которых является залогом серьезности разговора.

Мы выбрали формат, который позволит затем донести все это до очень широкой аудитории. Вы видите здесь немало камер. Различные варианты представления итогов нашего сегодняшнего разговора здесь, совсем недалеко от Зимнего дворца, который стал символом с одной стороны Империи, с другой стороны – победы революции, а с третьей стороны, наверное, – величия нашей культуры, мировой культуры. Вот этот разговор будет представлен очень широкой общественности. Поэтому нет многотомного, я не знаю, тысячного зала, поэтому нет многих выступающих с короткими репликами. Есть спокойный разговор. Я хочу подчеркнуть, что разговор о наследии трех революций был начат форумом, который инициировал Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, Вольное экономическое общество России. Это был первый форум. И он был связан со столетием Февральской революции, даже еще раньше, с тем, что в январе 1905 года Кровавое воскресенье ознаменовало начало серии революций в России.

У присутствующих здесь экспертов очень разные взгляды на то, что из себя представляли те события, но мы в целом солидарны в своем понимании значения этих событий. В понимании того, что результатом этих событий стали серьезные изменения, и в целом эти изменения были позитивными. Мы солидарны в том, что наша страна, наверное, не была бы такой, какая она есть, если бы не было Советского Союза, если бы не было мировой социалистической системы, если бы не было национального освободительного движения, если не было бы левых партий, профсоюзов, «зеленых», движения за мир и многого другого, что генетически отчасти, а где-то и впрямую, связано с событиями, произошедшими век назад. Это важно. Но важно и то, что мы будем вести спокойный диалог и говорить об этом именно в режиме спора, но научного спора, согласия, но не бескомпромиссного, так сказать, противостояния и согласия не без нюансов и не без дискуссий. Я хочу подчеркнуть, что сегодня основанием для нашей встречи является и очень знаменательное событие.

У нас здесь важные международные гости. Ну, прежде всего, это Самир Амин, руководитель Форума Третьего Мира, форума альтернатив, ученый, создавший теорию разрыва зависимости, один из авторов идеи межсистемного анализа, наряду с Боллерстрайном, Андреем Гольденфранком. Я не знаю, кто из них где какое место занимает, но для нас они все именно такие имена. Хотя Самир никогда не любит носить галстук, это не меняет его статус. Это я так, по-дружески, советую. Херман Дворжак, лидер социального форума Австрии и один из организаторов всемирных социальных форумов, человек, который знает, что такое социальное движение и наследие революции не понаслышке. Он не только эксперт, не только интеллектуал, но еще и общественный деятель. Чуть позже подъедет Саввас Матсас, и мы их обязательно представим. Профессора Калашников и Рязанов – это, на мой взгляд, звезды Санкт-Петербурга в области истории, социальной экономики, социальных наук. Ну и, наконец, здесь присутствует некая команда москвичей. Руслан Солтанович Дзарасов, заведующий кафедрой политической экономии Экономического университета в Москве, «Плехановки», автор целой серии работ по межсистемному анализу, и он, наверное, лучше других понимает значение книги Самира Амина, о которой мы будем говорить сегодня во второй части нашей презентации.

Член-корреспондент Российской академии наук, главный редактор журнала «Социс», человек, имеющий массу других должностей, Жан Терентьевич Тощенко, и я думаю, без социального, может быть, классового, может быть, постклассового анализа наш сегодняшний разговор будет неполон, я, Бузгалин Александр Владимирович, директор Института социоэкономики Московского финансово-юридического университета, ну и инициатор всего этого замечательного действия, диалога, профессор, доктор экономических наук, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России и прочая, и прочая, Сергей Дмитриевич Бодрунов.

(С.Д. Бодрунов: И прочая, и прочая – ну, я хотел, чтобы мы еще немножко улыбнулись.)

Там чуть позже подойдет Людмила Алексеевна Булавка, профессор Московского государственного университета, специалист в области философии и культуры. Она, так сказать, я думаю, дополнит наш преимущественно экономико-социальный блок.

(С.Д. Бодрунов: Мужской.)

И мужской к тому же, да, опять, правильным взглядом на эти процессы. Вот об этом я хотел сегодня сказать, открывая нашу встречу, и сейчас слово Сергею Дмитриевичу Бодрунову, который, я думаю, введет нас в проблемное поле нашего сегодняшнего международного экспертного диалога. Пожалуйста, Сергей Дмитриевич.

**С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества
России, д.э.н., профессор**

**Через 100 лет после Революций: подводя итоги
(стенограмма доклада)**

Спасибо, Александр Владимирович за то, что вы сделали такое хорошее представление нашего сегодняшнего мероприятия. И я еще раз обращусь к тому, что прозвучало в Вашей речи, в Вашем вступлении. Мы начинали, ВЭО России и ИНИР (как исполнитель, соответственно), начинали нынешний год, год 100-летия в России первыми, – как научное подразделение, которое так или иначе оценило уроки тех революций, которые были у нас в начале 20-го века. Мы не зря, еще раз подчеркну, проводили наше мероприятие именно в Таврическом дворце, потому что это – то самое место, и именно в тот самый день, когда началась Первая русская революция, если по старому стилю смотреть, Кровавое воскресенье так называемое. И – то место, где была провозглашена Первая Государственная Дума, т.е. колыбель российского парламентаризма. Мы целый год по итогам этой конференции наблюдали, что происходит в стране с точки зрения научного обсуждения в столетие, с точки зрения научного анализа тех уроков, которые дала непрекращающаяся, на мой взгляд, непрерывная революция, так или иначе, разрешившаяся Октябрьским переворотом в семнадцатом году. Думаю, что, конечно, этот анализ еще продолжается, но, тем не менее, полагаю, что вот этот цикл, аналитический цикл, он сегодня будет в какой-то мере в нашем пространстве, с теми учеными, с которыми мы работаем, завершен. Мы поэтому сегодня хотели бы еще раз поприветствовать тех, кто смог приехать на наше мероприятие, на наш диалог, я бы так это назвал. Я благодарю и петербургских коллег, которые всегда активно поддерживают нас в наших начинаниях и обсуждениях. Я благодарю москвичей, которые приезжают на наши семинары постоянно, и я Вам признателен, Александр Владимирович, за то, что Вы – мотор этой московской

части и ведете эту работу очень интенсивно. И, конечно, я признателен нашим иностранным коллегам за то, что они сумели к нам приехать, — время в общем-то не простое, да и не так близко мы находимся от тех мест, где они живут. Но, тем не менее, мы счастливы, что они смогли найти время и приехать к нам. Мы посещаем иногда их мероприятия, благодарны за то, что они приглашают нас, и мы можем туда приезжать, участвовать в мероприятиях. Ну и, безусловно, признательны за то, что они навещают наши мероприятия — такие, как сегодня проводим мы.

Начну. Я хотел бы перейти коротко к той теме, о которой мы сегодня будем говорить. Я попробую очень тезисно обозначить несколько нюансов, несколько направлений, что ли, нашего обсуждения. Ну и дальше, может быть, в конце, пару слов тоже скажу.

В этом году мы отмечаем не просто 100-летний юбилей революции, произошедшей в 1917 году. В начале XX века начался более широкий революционный процесс, исходным пунктом которого были еще события 9-13 января 1905 года (по старому стилю, или 22-26 января по-новому). Именно тогда, по сути дела, был сделан первый шаг по дороге Великой Русской Революции, во многом определившей лицо XX века.

Прошло столетие. Но не устаревают вопросы: почему — революция? Почему — в России? Ответы на эти вопросы, казалось бы, давались неоднократно. Но почему же тогда не утихают дискуссии, которые начались еще тогда, 100 лет назад?

Революция вызывается к жизни крайним обострением общественных противоречий и служит средством разрешения этих противоречий. Однако, если такое разрешение происходит через революцию, то, как показывает наш (и не только наш) исторический опыт, социальная и человеческая цена выхода из клубка накопившихся проблем оказывается крайне высока. Поэтому столь важен поиск альтернативных возможностей разрешения накопившихся противоречий, позволяющих обойтись без тотального разрушения общественных структур и крутой ломки человеческих судеб.

В этом пункте я бы не разделял точку зрения Маркса и Ленина, которые как раз в революциях видели «локомотивы истории» и называли их «праздником угнетенных и

эксплуатируемых». Даже призывы к «мирной» революции являются крайне рискованными, ибо любой революционный переворот несет в себе значительный риск обострения конфликтов, ведущих к крови, насилию, гражданским войнам. Поэтому нельзя согласиться с суждением, выражаемым не только крайне левыми политиками, но и иными исследователями, которые, пусть и в осторожных выражениях, но недвусмысленно говорят о желательности революционного преобразования современного общества. Помните – «есть у революции начало, нет у революции конца!»

В то же время нельзя закрывать глаза на тот факт, что на определенных этапах исторического развития формируются объективные противоречия, требующие качественных перемен в экономических отношениях, системе социально-экономических институтов, в политической системе, в идеологической и духовной сферах. Но какой облик должны принять эти назревшие перемены, как должны разрешаться накопившиеся противоречия? Наша история дала на это свой ответ. Проблема, однако, в том – является ли этот ответ универсальным на все времена и для любых обстоятельств, и нельзя ли найти другой.

Наверное, именно по причине разногласий вокруг решения этой проблемы сто лет, прошедшие со дня Февральской и Октябрьской революций 1917 года, до сих пор оставляют огромное поле для вопросов, которые занимают общественное сознание, над которыми размышляют историки и философы, экономисты и социологи, политологи и богословы... Сегодня многие из этих вопросов будут в центре нашей дискуссии. Мне же хотелось обратиться к революции как таковой, к самому феномену революции. Откуда она проистекает, что с собой несет и все ли пути развития идут через эту промежуточную историческую станцию?

И отвечать на эти вопросы я буду, прежде всего, со своей профессиональной точки зрения, с точки зрения экономиста.

Экономическая подсистема общества представляет собой динамичную, быстро развивающуюся систему. Для таких систем характерны внутренние противоречия, нарастающие в ходе развития: рост напряжений между элементами системы, обновление и изменение набора ее элементов, изменение характера связей между ними, принципов построения ее структуры. Такие противоречия выступают двигателем качественных перемен в системе и

разрешаются за счет перехода динамической системы в иное состояние, путем качественного преобразования системы.

Имевшиеся в прошлом и ныне существующие экономические системы характеризуются постоянными переменами, накопление которых время от времени приводит к переходу от одного типа социально-экономического строя общества к другому. Изменения в технологической основе общества, выступающие важнейшим двигателем таких перемен, ведут к формированию новой системы потребностей; обусловливают образование новых «игроков» на общественной арене (новых общественных классов, слоев, социально-профессиональных групп...); вызывают перемены в содержании и группировке общественных интересов. В итоге меняется характер ранее сложившихся связей между элементами экономической системы, что приводит к нарастанию напряжения между ними; обостряется борьба социальных групп за наилучшее удовлетворение своих интересов (что неизбежно связано с конкуренцией за распределение хозяйственных ресурсов и каналы доступа к ним).

Подобные переходы редко совершаются эволюционным путем, значительно чаще они выливаются в неэволюционную ломку прежнего состояния системы или в революционные преобразования. Периодические революционные перемены составляют одну из закономерностей общественного развития, однако формы их протекания могут быть различными. Перемены в социально-экономической системе общества, носящие революционный характер, могут протекать в оболочке политических революций и переворотов, но не обязательно связаны с ними. Буржуазные политические революции волной прокатились по большинству стран Европы с XVII по XIX век – но не по всем из них. Скажем, большинство скандинавских стран сумело перейти к капиталистическому хозяйству без политических революций.

Следует обратить внимание и на тот факт, что революции 1917 года в России по существу были следствием не каких-то совершенно неразрешимых проблем, неминуемо влекущих страну к социальному взрыву. Да, проблемы были, и проблемы очень глубокие. Но сами революционные потрясения коренились в неспособности сначала царского двора, а затем сменившего его Временного правительства, предпринять необходимые шаги по

реформированию социально-экономической системы. Ленин, несмотря на свою приверженность именно к революционному разрешению социально-экономических противоречий, откровенно говорил об этом, обращаясь к партиям, образовавшим некогда Временное правительство: «Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?».

Главный урок, который следует извлечь из этих событий, заключается в том, что, отвечая вызовам, диктуемым неостановимым прогрессом человечества в сфере удовлетворения потребностей, необходимо своевременно обеспечивать переход к более прогрессивным формам в области экономических отношений, в политическом устройстве и в духовной жизни. И эти формы должны, обеспечивая простор развитию материального производства на основе новейших технологий, быть адекватными по своим параметрам достигнутому обществом технологическому уровню.

Сейчас человеческое общество находится в преддверии новой технологической революции, которая, как и предыдущие, неизбежно повлечет за собой глубочайшие перемены не только в сфере материального производства, не только в сфере производства новых знаний, но и во всей социально-экономической системе общества. Назревает переход к *новому его качественному состоянию*, которое мы обозначили термином «новое индустриальное общество.2» (НИО.2).

Каким будет этот переход? Не вызовет ли он столь больших общественных напряжений, что обернется революционным взрывом не только в технологической, но и в социально-политической сфере? Понимая все неизбежные издержки такого сценария перемен, следует обратить сугубое внимание на способы предвидения и управления процессами социально-экономического развития, с тем, чтобы сделать неизбежные перемены по возможности и эволюционными. Выработка основательной научной базы не только для прогрессивных технологических решений, но и для эффективной экономической и социальной политики, способной вывести нас на новую ступень развития, становится все более и более насущной задачей.

Анализ современных тенденций общественного прогресса показывает, что факторы технологических перемен, определяющие

социальное противоборство, вполне могут нести в себе потенциал не обострения, а затухания социальных конфликтов. Произойдет (именно на базе прогресса технологий - базиса НИО.2) разрешение/«снятие» противоречий в точном соответствии с известной философской парадигмой.

Какие же изменения в ткани общественного строя, соответствующие потребностям развития знаний интенсивного материального производства, могут обеспечить снижение уровня конфликтности? Мы сейчас, разумеется, не можем представить облик общественных структур НИО.2 во всей их конкретности, но на некоторые тенденции, корни которых прослеживаются уже сегодня, можно указать. Прежде всего, сдвиги в общественных отношениях будут вытекать из резко возрастающей роли знания и увеличения темпа технологических инноваций в материальном производстве. А это означает, что все большая часть населения со все возрастающим уровнем образования и квалификации будет вовлечена в процессы технологического и, как неизбежное следствие, социального творчества.

Такой тенденции в сфере общественных отношений будет соответствовать возрастающая роль разного рода добровольных объединений и союзов людей, решающих научно-исследовательские, опытно-конструкторские, производственные, экономические, предпринимательские, управленческие, образовательные, воспитательные, экологические и т.д. задачи. Фактически речь идет о значительном углублении тенденции «прорастания» структур гражданского общества в сферы основной, в том числе производственной, деятельности людей. В области культуры этому будет соответствовать рост образовательного потенциала населения, расширение его фундаментальной основы, широкое освоение классического культурного наследия. В результате возрастет уровень общей компетентности людей и их способностей к осмыслинию и творческому решению многообразных производственных и общественных вопросов.

В сфере политического строя такие перемены рано или поздно повлекут за собой переход от нынешней демократии формального равенства, ограниченной к тому же в основном периодическим участием в голосовании за депутатов представительных органов, к демократии, основанной на

компетентном участии в решении повседневных вопросов управления обществом. Это будет своего рода меритократия, основанная на вовлечении тех структур гражданского общества, которые объединяют людей с соответствующими компетенциями, в выработку и экспертную оценку решений (и их последствий), принимаемых различными ветвями власти (включая и «четвертую власть») в самых разных сферах общественной жизни.

Необходимо также проработать пока еще не слишком ясную исследовательскую задачу: какие предпосылки надо закладывать в преддверии качественных переходов, чтобы эти переходы были управляемыми, а не возникали как стихийная бифуркация, чреватая социальными взрывами. В связи с этим следовало бы обратить внимание на изучение исторического опыта перехода Северной Европы к капитализму без масштабных революционных потрясений, характерных для остальных стран Европы, и последовавших затем успехов этих стран в области инновационного развития.

Вывод, который можно сделать из беглого обзора этого исторического опыта, состоит в следующем: чем более развиты политические, экономические, социальные, культурные и т.д. институты, позволяющие проводить согласование противоречивых интересов людей в ходе общественных перемен, тем более управляемыми и тем менее болезненными становятся эти перемены. Подобная тенденция целиком соответствует и перспективам развития знаний интенсивного материального производства на основе технологий новейших поколений, что ведет к формированию человека творческого, инициативного, культурного, способного к активной общественной деятельности. Кроме того, потенциал управляемого преодоления общественных напряжений прямо связан с теми возможностями снятия современных социальных противоречий, которые заключены в самом прогрессе знаний и материального производства, в обеспечиваемом им росте уровня удовлетворения многообразных потребностей людей при относительном снижении ресурсной нагрузки. Такое производство выступает как прямое продолжение и развитие основных свойств индустриального производства.

Однако, говоря о потенциале НИО.2 в снижении социальной конфликтности, мы не можем игнорировать и те риски, которые несут с собой глубокие технологические сдвиги, способные

основательно перевернуть весь нынешний образ жизни человека. Эти сдвиги бросают нам множество вызовов, начиная от уже намечающегося вытеснения множества традиционных профессий за счет использования технологий на основе искусственного интеллекта, и вплоть до преобразования самой природы человека. Да и возможности более полного удовлетворения потребностей могут обернуться своей негативной стороной, провоцируя безудержный рост потребления, не считающийся ни с какими рамками...

Для преодоления этих противоречий человечество имеет необходимый потенциал, который может быть реализован путем выхода на новый уровень всеобщего осознания существующих рисков, перехода сферы производства из состояния бездумной гонки за объемами производства и сбыта к удовлетворению потребностей, определяемых зрелым человеческим разумом, для которого духовное развитие выступает фактором, определяющим (и ограничивающим) набор материальных потребностей. Иными словами, речь идет о способности человеческого общества перевести себя на ноосферную стадию, некогда предсказанную известными мыслителями и учеными.

Сглаживанию драматических социальных потрясений и негативных побочных эффектов при преобразованиях экономических систем, вызванных радикальными ответами на нарастающие риски и противоречия, могло бы содействовать внедрение в практику управления развитием экономики методов планирования и научного прогнозирования экономических и социальных процессов. Использование подобных методов в КНР играет не последнюю роль в том, что китайская экономика и общество характеризуются высокой степенью управляемости и предсказуемости развития. За последние 35 лет Китай избежал серьезных социальных и экономических потрясений. Для этого, однако, правящий класс не должен рассматривать научное обеспечение управления обществом только как идеологическое прикрытие принимаемых решений.

Ведь именно этот недостаток во многом определил неэффективность политики властей СССР на излете его существования, что вылилось в конечном счете в крайне болезненные по своим последствиям потрясения и перемены 1991-1993 гг.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что характер глубоких социально-экономических перемен, принявших в 1917 году форму революций, определяется не только внутренними причинами, но и тем положением, которое занимала Россия в международной экономической и политической системе. Именно эта специфика нашла отражение в книге Самира Амина «Россия: долгий путь от капитализма к социализму», впервые выпущенной на русском языке, и научным редактором которой я имею честь быть. Эту книгу сегодня представляет Институт нового индустриального развития имени Сергея Витте.

Самир Амин – всемирно известный экономист и политолог, один из основателей мир-системного подхода, автор многочисленных работ, посвященных вопросам развития и преодоления отсталости стран периферии, анализу процессов глобализации, влияния гегемонии США на мировое развитие, а также национальным и идеологическим проблемам.

Презентуемое издание - это сборник статей, написанных Самиром Амином в период между 1990 и 2015 годами. В них автор предлагает принципиально иную интерпретацию российской истории, формирует образ России, который сильно отличается от видения, распространяемого западной пропагандой, и шаблонных суждений, сформировавшихся внутри нашей страны, выступает как непримиримый критик мировой капиталистической системы.

Развиваемый автором мир-системный подход предполагает исследование социальной эволюции с позиций рассмотрения систем обществ (мир-систем), а не отдельных социумов. В концепции Самира Амина страны «ядра» глобального капитализма (США, Евросоюз и Япония – он именует их триадой) навязывают странам периферии неравные условия экономических связей. Этим, с его точки зрения, главным образом, определяется затянувшаяся экономическая отсталость большинства стран периферии. Вырваться из подобной ситуации, добиться успеха в догоняющем развитии, по его мнению, можно только за счет «отключения» национальной экономики от мировой капиталистической системы. Амин не призывает к разрыву экономических связей – он говорит об отказе от правил, навязываемых глобальным капиталом триады.

В представляемой вашему вниманию книге Самир Амин применяет свои теоретические подходы, чтобы определить место

России в мировой истории и мировой экономике. Автор считает, что геополитически и исторически Россия с точки зрения мир-системного подхода не относится ни к ядру мир-системы, ни к ее периферии.

В развитии СССР Самир Амин видит показательный пример отказа от подчинения правилам, навязываемым ведущими игроками мир-системы. И во многом именно давление со стороны стран «ядра» мирового капитализма в 1917-1920гг. и позднее вызвало сопротивление, усугубившее радикализм революционных событий в России – однако без этого нельзя было обеспечить независимый путь к социально-экономическому подъему страны. Напротив, сдвиг в сторону подчинения ядру мир-системы, прежде всего США, произошедший в 1990-х годах, привел к существующим проблемам геополитического и геоэкономического положения современной России.

Нынешние попытки Российского государства занять на мировой арене самостоятельную экономическую и политическую позицию, уверен Самир Амин, должны подкрепляться соответствующими переменами во внутренней политике – в отказе от прежнего неолиберального курса.

Рассматриваемые в книге подходы, противостоящие навязываемой извне мифологии, несомненная симпатия автора к России, новый свежий взгляд на проблемы, стоящие перед нашей страной, – все это делает книгу эту очень полезной для российского читателя, особенно в момент, когда должны быть заложены стратегические основы нашего развития на перспективу. По этим же причинам мы настроены на долгосрочное сотрудничество с Самиром Амином в области исследования актуальных мировых и российских социально-экономических проблем.

(А.В. Бузгалин: Дорогие друзья! Я хочу искренне поблагодарить Сергея Дмитриевича за вот это вступление, постановку вопроса, и на самом деле, как ни странно, но многое из того, что было сказано,озвучено людям даже с гораздо более радикальными взглядами, потому что качественные изменения в материально-технических условиях жизни человека, содержании труда, технологиях, вызывающие изменения в экономической, политической, культурной жизни, это – то, где мы, наверное, все солидарны. Но я еще извинился, мне пришлось тут выйти, дело в

том, что к нам приехала представительная делегация китайских коллег из Пекинского университета, из их Министерства образования, Департамента общественных наук. Мы благодарим вас за то, что вы пришли послушать наш семинар, я вот поинтересовался, захотят ли коллеги поучаствовать в дискуссии.

(Они сказали, что они пришли послушать, поскольку для них это очень важно. Вот. И я искренне рад этому, я рад приветствовать также...)

(С.Д. Бодрунов: Приветствую всех китайских коллег и всех, кто сегодня пришел!)

(А.В. Бузгалин: И я рад, что, так сказать, чуть-чуть задержавшись, пришли Саввас Матсас, которого я хочу представить, это философ, общественный деятель, автор и литературоведческих, и философских, и политico-экономических книг, переведенных едва ли не на все языки мира, и Людмила Алексеевна Булавка, доктор философских наук, профессор Московского государственного университета, Центра современных марксистских исследований. Сейчас мы начинаем свой разговор именно в режиме диалога, ну вот по алфавиту у нас первым идет Самир Амин, поскольку в русском языке Амин, буква «А» – первая. Как насчет того, чтобы начать наш разговор, только давайте мы установим где-то 10-минутный регламент, уважаемые коллеги, для того, чтобы наша беседа была, так сказать, спокойной, без перебивания друг друга и с возможными потом еще репликами в конце нашей первой части заседания.)

**Самир Амин,
профессор, директор Третьего Мирового Форума и председатель
Всемирного альтернативного форума, Сенегал**

(Стенограмма выступления)

Большое спасибо профессору С.Д. Бодрунову и профессору А.В. Бузгалину. Благодарю за то, что вы меня пригласили принять участие в данном мероприятии. Рад видеть свою книгу в переводе на русский язык. Материал всегда доступнее, когда он представлен на родном для читателей языке.

Буду краток. Вчера Людмила [Булавка-Бузгалина] и супруга Савваса [Матсаса] настаивали на том, что социалистическая революция в целом и Октябрьская революция, в частности, представляют собой культурную революцию. Соглашусь с ними. Напомню, что на определенном этапе Китайской революции Мао принял решение о целесообразности осуществления культурной революции. Социалистическая революция (или продвижение социалистических и впоследствии революционных идей), которая в долгосрочной перспективе является длительным, продолжающимся более ста лет светским переходом к коммунизму, – это культурная революция. История знает случаи проведения масштабных качественных реформ, но такое количество перемен, по моему мнению, наблюдается не чаще, чем раз в 200-1000 лет. Примером такого значительного системного изменения может служить переход от общества, основанного на семейных и родственных связях, к формированию государственных отношений, которые легли в основу трансформаций, тесно связанных с религиозным отчуждением или ставших важной причиной возникновения такого отчуждения.

С занявшим не менее 5000 лет переходом к капиталистической системе человечество вступило в новую fazу своего развития, доминантой которой является реорганизация экономического аспекта жизни общества. По моему мнению, гениальность К. Маркса заключается в том, что он это тонко почувствовал и отразил в «Капитале». От остальных типов социального устройства, включая наиболее развитые форматы организации цивилизованного общества, капитализм качественно

отличается именно экономическим отчуждением, которое приводит к рыночному отчуждению и трансформации человека из религиозного животного, подчиняющегося государству, в другой вид животного, подчиняющегося так называемому *рынку*.

Перейдем к рассмотрению третьего существенного изменения, а именно перехода от состояния подчинения так называемым устоявшимся объективным законам экономики, оперирующей в рамках системы эксплуатации, и невозможности перехода к какой-либо сходной системе, даже если она будет немного или значительно более приемлемой для большинства людей. Речь не идет о новой грядущей формации, которая может быть охарактеризована как капитализм без капиталистов. Также не хотелось бы использовать термин *государственный капитализм* как некий предпочтительный вариант, своего рода капитализм, управляемый людьми в отсутствие капиталистов. Я считаю, что коммунизм представляет собой более высокую ступень человеческой цивилизации, а не просто более эффективный режим производства. Я не претендую на единственно верное толкование Маркса, но я уже довольно давно интерпретирую его работы следующим образом: я уверен, что социализм – это творческая утопия, ибо то, что не соответствуют объективной реальности, зачастую кажется и определяется как утопия, и такая оценка справедлива – но эта творческая утопия способна стать реальностью с течением времени. Величие России заключается в том, что в некотором роде она вступила на этот долгий путь. Франция может возразить, что просуществовавшие крайне недолго парижские коммуны также положили начало этому пути. Тут нет никакого противоречия. Россия всегда признавала роль парижских коммун. Русские никогда не были шовинистами и не стремились присвоить себе все возможные изобретения. То, что Россия начала, подхватил Китай. И те, кто придет позже, смогут внести свой вклад и добиться новых достижений. В этом смысле долгая революция – это и настоящее, и будущее. Октябрьская революция – историческое событие, оставшееся в прошлом, но она продолжает оказывать влияние и иметь значение для будущего. Речь не идет о том, чтобы ее скопировать и воспроизвести. Это было бы глупо и неразумно. Но продолжим идти по этому пути.

Меня, как египтянина, объединяет с китайцами одна черта характера: мы терпеливы. Мы знаем, что общество не может кардинально измениться меньше, чем за 500 лет. Невозможно создать нового человека за пятилетку, три пятилетки или даже пять пятилеток. Человек создает себя сам через реальные изменения, на которые требуется время. Итак, да здравствует долгая революция. Спасибо.

(А.В. Бузгалин: Спасибо, Самир, лозунг долгой революции – это, пожалуй, новое открытие в общественных науках. Я это говорю без шуток, это интересная постановка, да. Ну, в некотором смысле, наверное, наши коллеги троцкисты сказали бы, что мы давно знаем идею перманентной революции, но это немного другое. Но это немного другое. Я поэтому специально это хочу подчеркнуть. Мы продолжаем наш разговор. Я уже представил в начале нашей встречи Жана Терентьевича Тощенко. Повторю для тех, кто немного задержался. Все-таки не все люди способны начинать революцию точно, когда бьют часы. А мы начали именно так. Жан Терентьевич Тощенко – член-корреспондент Российской академии наук, профессор и главный редактор журнала «Содис», заведующий кафедрой, ну и так далее. Жан Терентьевич, пожалуйста, Вам слово. (Говорит иностранец про Троцкого) Хорошо, мы оставим в стороне спор о Троцком, Мао и Дэн Сяопине. И о том, кто какую революцию из них делал, тем более, что я думаю, наши китайские коллеги потом нам объяснят это лучше, чем кто-то другой, когда мы проведем с ними, надеюсь в будущем, похожий семинар. Я, кстати, извините, Жан Терентьевич, еще одна маленькая реплика, я не сказал. Есть еще одна знаменательная, наверное, связь. Мы здесь, сейчас во дворце Великого Князя, брата Императора России. И то, что ученые обсуждают темы Революции в этом зале, прекрасном, созданном трудом людей, созданном гением людей, архитекторов, художников, рабочих, наверное, в этом есть большой смысл. В том, что мы вот так здесь сейчас работаем, не разрушая, а созидая. Вот в этом, наверное, задача Революции. Жан Терентьевич, Вам слово.)

**Ж.Т. Тощенко,
Почетный доктор Института социологии РАН, чл.-корр. РАН,
Главный редактор журнала «Социс», д.ф.н.**

(Стенограмма выступления)

Уважаемые коллеги! На первой встрече этой серии, которую проводил Институт нового индустриального развития, я выступал с тезисом, в котором в основе лежали слова Маркса, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. На том выступлении я видел некоторых коллег, которые слушали это выступление, основной мой тезис заключался в том, что именно большевики смогли выразить те основные идеи, которые волновали большинство российского общества: мир – народам, заводы – рабочим, земля – крестьянам. Именно то, что они отразили, то, что существовало в общественном сознании в большей мере, чем ориентации кадетов, эсеров, меньшевиков, не говоря уже о черносотенцах, именно это и обусловило победу, на мой взгляд, большевиков. Но сегодня я хотел обратить ваше внимание не только на то, что было 100 лет тому назад, а что нас ждет, на мой взгляд, сейчас, спустя столетие. И вот название, которое не бесспорное, я предлагаю послушать мою аргументацию, и может и высказать свое мнение. Сергей Дмитриевич тут говорил, что сосредоточилось внимание в основном на экономических проблемах, но я, так как представляю социологию, я остановлюсь именно на социальных и социально-культурных аспектах этого будущего. И вот, исходя из этого... Некоторые общие характеристики, которые вам известны, на том, что – новая реальность, вот сегодня – что касается всего мира. Масштабные изменения в экономике и политике. Здесь Сергей Дмитриевич об этом говорил, я повторять это не буду. Я хотел подчеркнуть, что многие ученые сходятся на том, что характеризуется неопределенностью и неоднозначностью перемен, которые сейчас происходят в мире. Есть даже произведения, которые характеризуют эти явления. Ну, дальше тезисные аспекты разрушения старой социальной структуры, той классовой структуры, которую мы наследовали, – она уже практически не существует. Я могу подчеркнуть спорность концепций.

У нас сейчас очень много было посвящено так называемой теории среднего класса, которая и остается, но тем не менее подвергается сомнению. К этому я бы добавил и такую характеристику, как ущербная экономическая политика. Я обратил внимание на последние выступления Кудрина и Набиуллиной, которые, для меня это поразительно, сказали: «Что-то у нас не так с экономикой». Даже, наконец-то, и они заметили эту тенденцию. Отмечу некоторые моменты, которые приближают к моим размышлениям. Тридцать восемь миллионов из восьмидесяти шести трудоспособного населения работают в непрозрачных условиях. Это, кстати, официальное выражение вице-премьера нашего правительства. Двенадцать миллионов – прожиточный минимум, а сейчас уже двадцать два миллиона, это, кстати, тоже по официальным данным. Официальная безработица, которая считается таким образом. Я же привожу тут эти данные академика Вязова, который считает гораздо больше. Ну и общеизвестный такой факт, сколько у нас миллиардеров и какое у них количество средств. Теперь – социологические данные. Данные, которые проводит институт социологии, а я представляю Российский Государственный Гуманитарный Университет, вот по опросу людей работающих, то есть, это фактические утверждения, что у них сорокачасовой рабочий день, наряду с официально провозглашенным, фактически люди признают, что они работают. 12-15% живут, это тоже по признанию, без трудовых договоров, официального соглашения с работодателем. Даже из тех, которые в общем-то живут по трудовым договорам, видите, 66% признают, что они ограничены в оплате труда, использовании отдыха и в медицинском обслуживании. 39% – это определяют дополнительными, ну и самое важное тоже для характеристики – это практически каждый третий (28%) получает заработную плату в конвертах. Я не буду объяснять значение этого феномена и явления.

Дальше. Вот теперь разберемся с проблемой занятости рабочей силы. Попытка проанализировать нами с логической позиции показывает, что работники с временной занятостью – это двоякое состояние. Это – временная занятость, которая касается регулярного обновления этой временной занятости, особенно это касается преподавателей. Касается ученых, касается и некоторых других работ, и когда краткосрочная занятость или человек

подвешен и как будет ее продолжать. И есть вторая сторона занятости. Когда меняется профессия, меняется сама занятость. По данным наших коллег, новосибирских социологов-экономистов, это сибирские данные, есть такие моменты. В девяносто пятом году сменили профессию, место работы 17%. Еще через 10 лет уже сменили 25% и вот в 2015-м, это последнем, уже сменили 37%... Это – проблема, которая в общем-то нарастает сейчас. Работники с неполной занятостью, видите, тоже до 20%. Это – частичная, временная, неполная занятость, которая тоже охватывает большое количество людей. Я здесь дополняю, значит вот, сезонной и эпизодической занятостью. Это – работа в лесном, сельском хозяйстве, золотодобыче, морском промысле, рыбном, вернее, промысле и так далее. Упоминаю я здесь, как видите на слайде, безработных и часть мигрантов. Даже вот люди свободных профессий, фрилансеры, которые на первом этапе подавались как какое-то достижение, люди, независимые от работодателей, мы вот публиковали в журнале «Социс» Стрельцова и Шевчука, ведущих таких специалистов, которые показывают, что они тоже испытывают серьезные издержки. И, несмотря на всю привлекательность и даже большую иногда заработную плату, доходов, вернее, этих людей, – они приводят, что если усреднить – средняя заработка у них не превышает тридцати – тридцати пяти тысяч рублей. Это не такая уже огромная оплата, хотя они свободными профессиями занимаются. Вот у меня упомянуты стажеры-студенты. Думаю, это и Ленинграда, Петербурга они касаются, и Москвы, когда эксплуатируется студенческий труд. Берут на испытательный срок без оплаты, а потом через несколько месяцев рассчитывают и говорят, что вы не подошли. И есть еще один феномен, кто молодежью занимается, появился отряд, до семи уже процентов насчитывается, это мол, net-молодежь, net in education, employment of training. То есть, растет количество и не учащихся, и не работающих, и не проходящих квалификацию. Эта группа получает тоже все большее распространение.

Далее, как назвать эти группы? Есть предложение, я разделяю это мнение, что это – прекариат. Оно образовано от другого слова – прекариум – неустойчивый, нестабильный, негарантированный. Прекариат – это отчужденный от результатов труда и общества. Это – принципиально новая попытка осмыслить вот те реалии

неустойчивые трудовой занятости. Среди западных коллег я выделяю – это Рай Стендинг, который описал такой прекариат как новые опасные классы, а среди наших коллег – Зинаида Горенкова; кстати, они «высшие» по своим социологическим делам. Поэтому такое мнение есть, что эти вот многочисленные слои надо объединить. И черты прекариата – временная занятость как постоянное состояние, то есть – человек уже сейчас есть, в отличие от своих дедов и отцов. И это – очень многие количества людей, которые именно характеризуются этой временной занятостью. Меня многие спрашивают: преподавателя вуза можно отнести к прекариату? Я говорю: да, для этого есть полное основание, это – тоже прекариат.

(А.В. Бузгалин: Жан Терентьевич, Вам один из представителей прекариата напоминает, что время идет одинаково для всех.)

Хорошо, я заканчиваю про эти черты, прочитаете – неустойчивое социальное положение, нет гарантированного дохода, нет правовой и социальной защиты. И, что самое главное, эти люди не уверены в своем будущем. Что у них сложится в течение своей трудовой жизни, это очень серьезно сказывается на настоящее время. И я закончу другими моментами, по вот все-таки такому спорному вопросу – класс это или протокласс? Некоторые, я уже выступал с сообщениями, говорят, что эти группы, которые вы назвали – они разрознены и разнородны. Что нет сильных профессиональных объединений. Вот. Нет идеологии, нет видения будущего, нет лидера. Но я всегда говорю, что когда пролетариат начинался, они тоже были разрознены, не было идеологии, но – подошло определенное время, когда они в общем-то созрели. Сначала – частичные формы объединения, и я здесь даже пытался сказать, что неприменимость, невозможность и слабая эффективность прежних слоев борьбы, я привожу еще, извините, вот первые шаги становления. Что начали наносить ущерб себе, обществу группы, флешмобы, демонстрации, евромайдан, какие-то новые элементы классового сопротивления, которые показывают, может, еще и незначительную распространенность, но, тем не менее, важны поиски становления этих форм соединения. Итак, значит, я хотел сказать, что вот наряду со средним классом прекариат, так как он все время растет, показывает динамику – с ним, с его желаниями,

его стремлениями, нельзя не считаться. Я тут согласен с Сергеем Дмитриевичем, что если не ответить на вопрос этой нарастающей массы, мы можем встретить очень серьезное социальное потрясение. Спасибо.

(А.В. Бузгалин: Спасибо Жан Терентьевич, дорогие друзья, мы обещали диалог, и действительно – будет диалог, тем паче, что такая перекличка длинной Революции с социальными изменениями, которые существенно отличают события столетней давности от события сегодняшнего дня, требует, наверное, некоторых реплик, поэтому, я думаю, будет очень правильно, если Сергей Дмитриевич выскажет свои какие-то соображения по этому поводу. Ну, может быть, в течение одной-двух минут кто-то еще из участников круглого стола. Пожалуйста! А потом – Калашников и Булавка выступают. Пожалуйста, Сергей Дмитриевич.)

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества
России, д.э.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Я не утерпел даже в процессе, так сказать, пока Жан Терентьевич докладывал, начал уже немножко комментировать, поэтому Александр Владимирович мне тут решил слово дать, но сказал – дождись конца выступления. Ну, у меня такое положение здесь «хитрое», что я, с одной стороны, свои слова сказал, а потом все остальные говорят, а у меня возразить вроде как бы не получается. Считаю, что очень важное, интересное выступление есть у обоих предыдущих коллег, и очень важно, что сказал Самир Амин об опыте. О том, что на самом деле делается в Китае, то, что делается в мире, и вот, собственно говоря, те тенденции, которые были обозначены. Жан Терентьевич тоже их обозначил – по-другому, как социолог, в своих наблюдениях. Другой вопрос – к чему это ведет? Это действительно ведет, я соглашусь, к тому, что если мы эти противоречия не разрешим, это приведет к противоречиям, ведет к нарастанию противоречий, к нарастанию такого масштаба, который уже сегодня мы не замечаем, кажется, да? Вот вышли там люди куда-то, молодежь – побегать, им – по 15 лет вроде – вокруг площадей ходят, полиция их гоняет, и так далее – ну, они несознательные, они не понимают, они что-то еще... А там – флешмоб, а там – еще другие вещи, которые их на самом деле сподвигли выйти на эти самые улицы! У них другие технологические и у них другие институциональные «особенности» поведения. Собственно говоря, под этим основа другая лежит уже. Она меняет не только способ потребления ими информации, получения ими знаний о мире. Она меняет их взгляд на то, как этот мир надо менять, как он должен бы «прогнуться» под них. И это – следующее поколение – «прекариат» ли это или это другое какое-то племя, или, может быть, ну, не знаю... На самом деле пролетариат ведь тоже действительно начинался с того, что у него «нет ничего, кроме собственных цепей», так? А у этих – так

уже, собственно, эти цепи, вот одни информационные цепи, другого ничего у них, собственно, и нет.

Однозначно ли эти тенденции отрицательные или нет? Я бы так не сказал. Возьмем некоторые моменты наблюдения, которые сегодня Жан Терентьевич привел. Я бы мог трактовать их несколько, может быть, и по-другому. Например, мобильность рабочей силы, повышение мобильности рабочей силы – когда люди бросают свою работу и ищут новую. Так это говорить может о совершенно многих тенденциях. Например, о том, что не то, что работа их не устраивает, или они не смотрят и не видят перспективы. Почему? А потому что в такой работе мало знаний, или может быть мало, так сказать, интеллектуальной компоненты. Вот это тоже момент такой, первый.

Второе. Общество может предоставить им другие места, где они могли бы приложить свои знания. Таких мест становится все больше. Сокращаются одни профессии, но приходят компетенции, другие вещи, которые необходимы обществу и где требуются специалисты. Я, как человек, который живет в практической жизни – еще все-таки не до конца весь бизнес продал, – все-таки сталкиваюсь с этим практически ежедневно, когда при том, что, казалось бы, – столько разных людей, разных профессий и представлений, компетенций и так далее, а найти нужного человека очень непросто, и приходится его «вынимать» откуда-нибудь там из далекого региона, гнать там куда-то в другой регион, где нужны именно этого уровня или компетенции люди. Так что вот этот момент есть такой. И, наконец, то, что люди, очень много людей – до семи процентов, цифры приводят – занимаются ничегонеделанием, так сказать, а часть из них и не «образовывается» в нашем традиционном понимании и ничему вроде бы как бы и не учится, и не работает, говорит тоже о многом. О том, во-первых, говорит, что общество может прокормить вот такое количество людей, так? И при этом эти люди не умирают с голода, так? Которые ничего не делают и ничем не занимаются. Значит, это такой очень важный момент, который подчеркну, подтверждает, что технологическое развитие приведет к тому, что большинство людей будет вот таким образом жить. И заниматься может быть другим трудом, творческим.

Что касается их образования. Я не уверен, что они не образованы. Я не уверен, что они неучи – ну, конечно, там есть среди них, наверное, разные маргиналы, и так далее. Но я знаю

несколько таких человек из молодежи, которые прекрасно образованы, не обучаясь в вузах. И вот это очень важный момент, потому что у них есть доступ к информации не только через традиционные каналы познания. А доступ к информации технологически сегодня другой. И возьмите маленький такой пример. Ехал я из Петербурга в Москву на «Сапсане». Значит, вот я сижу, а напротив находятся папа, мама и двое детей. Одна девочка, три года, мальчик, второй, ему лет шесть или семь. У обоих планшеты. Они там во что-то играют, мальчик решает с папой вместе какую-то задачу. Значит, папа ему что-то там объясняет, серьезная какая-то задача. А девочка играет. Потом она говорит маме: мама, ты вот здесь ничего не нажимай, пойдем, извините, пописаем. Пока ничего не надо нажимать, потому что я здесь уже установила уровень. И вот с этого уровня я буду играть дальше. Ребенок в три года! Потом, когда она ушла, я спрашиваю отца, – а сколько ей лет? Он говорит: ну там три с чем-то года. То есть, три года с чем-то, а она уже по-другому владеет техникой, она понимает некоторые уровни информации, доступ к ней, и так далее, и тому подобное. А ребенок, который старше, еще в школу не пошел, он уже решает с отцом, оказывается, шахматную задачу с помощью компьютера. Так что говорить о том, что эти люди должны поступить обязательно в вуз? И обязательно получить тот набор знаний, который им уже, как правило, не нужен, уже устарел? Это – очень большой вопрос. Нужно учиться в вузе или не нужно? Нужно менять систему образования, многие другие вещи – вот что нужно! Так что эти тенденции, очень важно подмеченные Жаном Терентьевичем, мне кажется, что они в какой-то мере – я, может быть, обольщаюсь, но – все-таки подтверждают видение нашего института, куда же мы все-таки идем, и каким образом будут дальше разрешаться эти растущие противоречия. Спасибо.

(А.В. Бузгалин: Спасибо, Сергей Дмитриевич. Вот первый тур дебатов у нас завершается, часы пробили одиннадцать. Но у нас впереди еще два интересных сообщения и несколько минут для того, чтобы обменяться репликами. Поэтому мы сейчас пойдем дальше, а в конце, наверное, и Жан Терентьевич, если захочет, ответит на, так сказать, дискуссию Сергея Дмитриевича, и так далее. Я хочу напомнить, что во второй части у нас будут выступать Херман Дворжак, профессор Дзарасов и ваш покорный слуга, когда мы

будем обсуждать книгу Самира Амина. Сейчас я очень рад предоставить слово профессору Калашникову, Санкт-Петербург; у нас по-настоящему междисциплинарный диалог, он именно так и был задуман. Экономисты, социологи, философы, историки, политологи. Вот профессор Калашников – это история. Но – история, которая всегда актуальная, я в этом не раз убеждался во время наших диалогов с коллегой. Пожалуйста, Владимир Валерьевич.)

В.В. Калашников,
зав. кафедрой истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного электротехнического
университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
д.и.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Спасибо большое. Я хотел бы оттолкнуться от тех тезисов, которые сформулировал Сергей Дмитриевич. Как вы помните, первым его тезисом был тезис о том, что в революции всегда виновата власть. Я полностью с этим согласен, в Февральской революции был виноват один человек – Николай II, а в Октябрьской – Временное правительство, как некое целое, но если хотите персонифицировать, это – Керенский. И это не только моя точка зрения. Вот весной мы провели большую международную конференцию. Я своим участникам задал, так сказать, вопрос, анкету такую пущил, на которую ответило 25 ведущих специалистов по революции. Это – одиннадцать иностранных ведущих во главе с Алексом Рабиновичем, если кто-то знает такую фамилию, ну – и наши, 14. И большинство четко так и сказали, да, кто виноват. Большинство ответов – виноват царь. Второй тезис, который был Сергеем Дмитриевичем сформулирован, это...

(А.В. Бузгалин: Владимир Валерьевич, на правах ведущего, я бы задал другой вопрос: а кто виноват, что такие цари и такое правительство приходит на плечах аристократии и буржуазии? Не является ли закономерностью появление плохих царей и безвольного правительства результатом того, что класс безволен и неспособен дальше что-либо делать?)

Я прошу ваши рецензии «выкинуть» из моего регламента...

(А.В. Бузгалин: Все, извините, больше не буду, все, виноват, просто не сдержался.)

... и не буду отвечать на этот вопрос, потому что я считаю, что сегодня важнее говорить не о том, почему там проиграл царь или победили большевики, а как оценить то, что случилось в семнадцатом году. Это главное, для нашего семинара, по крайней мере. Так вот, второй тезис, который я тоже поддержу, это то, что в

принципе реформа лучше Революции, она дешевле, но истина всегда конкретнее, и поэтому я, как историк, знаю не одну ситуацию, когда вроде бы успешно проведенная реформа, но она на самом деле лишь откладывала Революцию, делала ее более радикальной. Вот – тезис, не буду, опять же, его комментировать.

В 1861 году Александр провел успешные великие реформы. Эти реформы предотвратили революцию, но они вызвали торможение России на полстолетия. И к семнадцатому году Россия стояла перед лицом – совершенно четко – очень радикальной революции. И вот и Вы говорили о том, что легко было все проблемы решить. Легко, но только выходя за рамки буржуазной революции. Вот тот менталитет российского крестьянства, он не позволял легко решить аграрную проблему в рамках буржуазной революции. Потому что крестьяне требовали просто уничтожения частной собственности на землю. Понятно, да, что если буржуазная революция уничтожит частную собственность на землю – это уже не буржуазная революция. Хотел бы сказать, что вот этот тезис – он показывает важность темпов развития для России в историческом таком контексте, большом.

Вот, если хотите, в истории России всегда историческое право на существование имела та власть или та модель развития, которая обеспечивала решение главной задачи – ликвидацию отставания от Запада. 1000 лет Российское государство отставало от Запада. Не буду объяснять, я думаю, большинство знает – почему, захотите, потом расскажу на эту тему. Так вот, мы в XX веке оказались в уникальной ситуации. Я говорю «мы» – это историки, мы можем посмотреть на три модели развития и сравнить их результаты. Первая модель – это капиталистическое развитие в рамках самодержавной России. Вторая модель – это советская модель. И третья модель – это постсоветская модель. Как угодно вы ее называйте. Что мы имеем в виду? После отмены крепостного права, особенно в эпоху Александра III, когда Витте включил рычаги государственной поддержки, темпы развития экономики России были просто сверхъестественно быстрые. Ну, скажем, у нас объем производства меди увеличился в 2200 раз. И нигде в мире такого не было. Тем не менее – парадокс. Россия к тридцатому году не решила главную задачу, которая стояла и была поставлена Крымской войной – она не ликвидировала опасное отставание от

Запада. Я вот своим студентам обычно два примера привожу на эту тему. В 1861 году Россия производила 61% от объема производства чугуна в Германии. Потом она в 17 раз увеличила производство чугуна в Германии и в тридцатом году она производила только 27% производства чугуна в Германии. Отстала более чем в два раза. Вот – блестящие темпы роста и – отставание в два раза. Второй пример – тоже на эту тему. Когда в четырнадцатом году была объявлена всеобщая мобилизация, то в Германии и в России проводились замеры. Замеры на функциональную грамотность. Из десяти тысяч призванных новобранцев в Германии читать и писать не умело четыре тысячи. Из десяти тысяч, призванных в России, 6150. Вот эти две цифры, и как бы все понятно, что было в Перову мировую войну. А дальше – почему победили большевики, я думаю, все понимают. Они решали вопрос о мире, вопрос о земле – и дальше проблем не было.

Следующий момент – советская модель, что с ней? В тридцатые годы Россия впервые в своей истории за три пятилетки сократила отставание от ведущих западных стран по основным экономическим и социальным показателям от трёх до четырех раз. Если взять весь советский период и сравнить с самой богатой, самой удачливой страной, которая вообще была в истории XX века. Это были Соединенные Штаты Америки. Две мировые войны – они только выиграли на них. После Второй мировой войны ясно, что да, доллар – мировая валюта. И весь западный мир делал для американцев атомную бомбу. У них и для них прежде всего. И что мы видим? В тридцатом году душевой ВВП России 10% от уровня США, в восемидесят пятом году – 56% от уровня США. Сократили разрыв с Соединенными Штатами в пять раз. С самой успешной страной мира. Вот это – советская модель.

Постсоветская модель. Ну, легче всего ее, и вообще – все это показать, если мы обратимся к такому показателю, международно принятому, как индекс развития человеческого потенциала. Вот с тридцатого года за советский период этот индекс в России вырос в четыре с половиной раза. В Штатах в два и три десятых раза, в Великобритании в два раза, мы входили в восемидесят пятом году, ну в середине восьмидесятых, в тридцатку ведущих стран мира по этому показателю, кто не знает, я напомню, что такое ЧП. Это душевой ВВП, продолжительность жизни и уровень образования.

Они по разным коэффициентам взвешиваются и получаются индексы. Вот такие данные. Вот мы входили в десятку. Занимая двадцать шестое – двадцать девятое места. Ну, в тридцатку, спасибо большое. Вот в девяносто девятом году, когда Борис Николаевич Ельцин нам сделал всем подарок, объявив о досрочном уходе, мы занимали семьдесят первое место по этому показателю. В этом году по последним опубликованным данным – сорок девятое, но это по шестнадцатому году на базе данных пятнадцатого. Вот к гадалке не ходите, чтобы мы по семнадцатому году были только в шестой десятке. То есть – минимум в два раза отставание. Ну, можно еще разные показатели приводить на эту тему.

Вот – три модели. Вот – три законных исторических результата. Вот – хоть что ты с этим делай, какие ты взгляды не исповедуй, это – три модели, три результата. Как историк, я вам так скажу: модель, которая сейчас у нас есть, она хуже, чем царская. Почему хуже, чем царская? Никогда не было столь высокой степени внешней зависимости. У нас нет никакой финансовой независимости. Я думаю, это все понимают, ну и мы зависим, конечно от того, какая цена будет на нефть и вообще дадут нам это экспортовать или нет. В царской России такого не было. Царская Россия тоже зависела. Вот Витте провел форсированную индустриализацию в эпоху Александра III, ну, грубо говоря, на французские деньги. И Россия вынуждена была воевать в Перовую мировую войну на стороне Франции, хотя три главных, самых умных премьера Российской империи были против войны с Германией. Кто три? Сам Витте, Столыпин и Коковцов который сменил Витте после его убийства. Все три держали царя за фалды, понимая, что война с Германией приведет к катастрофе. Но вот внешняя политика... Да, Николай это понимал, потому что он в Бьорге, под Выборгом, в пятом году, в разгар революции, подписал оборонительный договор с Германией. Но Франция дала почти миллиард рублей золотом, и договор был дезавуирован. Вот примерно так, если говорить об итогах развития России в двадцатые годы. Ну, еще, если хотите, одну цифирку такую приведу: группа французских экономистов во главе с Пикетти сделала уникальную таблицу. Я такой таблицы не видел никогда. Она подсчитала распределение доходов с 1905 года по 2015 год. Вы представляете, с 1905 не по 1915 год, а по 2015, по сегодняшний день. Но и

получилось забавно, если это можно назвать забавно. Мы сейчас на уровне пятого года, то есть, на уровне революции первой, вот. Спасибо за внимание. (Аплодисменты.)

(А.В. Бузгалин: Спасибо большое, вот видите, какой у нас интересный контрапункт, очень важный контрапункт получился в нашем разговоре. Сергей Дмитриевич снова рвется, так сказать, в дискуссию...)

(С.Д. Бодрунов: В бой.)

(А.В. Бузгалин: Да, в бой, но, наверное, это будет чуть позже, сейчас мы выслушаем еще одно сообщение, чтобы у нас уже был полный такой спектр – экономика, социология, история и философия культуры. Людмила Алексеевна Булавка, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет.)

Л.А. Булавка-Бузгалина,
философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова,
д.ф.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Спасибо большое, я приветствую всех, кто сегодня пришел на эту встречу, где мы пытаемся сформулировать трудные вопросы и попробуем попытаться, может быть, как-то обозначить реперные точки поиска ответов. Тема моего выступления – даже не Революция и культура. Революция равно социалистическая Революция равно культура. Для либеральной интеллигенции такая постановка просто оскорбительна. Нет большего антагонизма, чем Революция и культура. Это в глазах либеральной интеллигенции, которая занимается советской культурой и XX веком. Я покажу, как культура стала замером социалистической революции. Покажу только несколько замеров.

Первое. Содержанием Октябрьской революции – да, власть, да, земля – крестьянам, да, фабрики – рабочим, да, власть – советам. Больше. Содержание революции – новый человек. Новый, новый, новый человек. Абстракция. А тема-то этого нового человека вымешивалась еще до революции. «Человек – звучит гордо!» Новый человек как творец истории и культуры.

Второе. Именно это содержание революции стало основанием того, что Красный Октябрь стал прямым наследником гуманизма Ренессанса. Бог мой, скажете вы, ну о каком наследии Ренессанса можно говорить – разные культуры, разные эпохи, разные искусства – да, все разное, разный исторический контекст. Общим стало то, что гуманизм заявил человека как субъекта. Не-е-ет, художник, ученый Ренессанса не отказался от идеи Бога – главный субъект, конечно, Бог. Но художник Ренессанса и ученый сказал формулу Маяковского – «я сам». Я сам творю эту культуру, и вот это самосознание себя как субъекта породило ту мощь и энергию, которая – в искусстве, которая вылилась в искусстве, в искусстве Ренессанса. Поэтому, можно сказать, это – второй замер. Революция вывела гуманизм мировой, развитие гуманистической тенденции мировой истории, на «красную линию». Вы посмотрите, гуманизм-то пошел по красным

точкам. И, оказывается, по другим он не может идти. Мы сегодня все, бедные, богатые, мы как живем? Мы живем в атмосфере антигуманизма. Все, независимо от того, едут ли в дорогих машинах или толкаются в метро.

Третий замер. Субъектом стали массы. Господь с Вами, какие массы? Почитайте Ортега и Гассе. Массы – это в лучшем случае – «потребительские», планктон, потребительский планктон. Да, потребительские массы – это планктон. Вот эти атомизированные, бессубъектные индивиды – не субъекты. И вот эти атомы не складываются в целое. А революционные массы – это то, где индивиды стали, обрели всеобщую форму субъектности под названием «мы». Форма субъектности. Субъектности, творчества – она всегда имела форму «я». И, конечно, в культуре.

И тут я говорю – четвертый замер. Оказывается, история – это не только битвы, кровь, столкновения – это, оказывается, еще может быть творчество. Какое творчество? А пожалуйста – двадцатые годы! Я уже, может быть, даже поднадоела разными примерами двадцатых годов, когда люди сами устраивали эту жизнь. Да, как понимали, да, в меру своего бескультурья. Но – понимание вот той правды, когда человек труда и культуры должен быть целым. Труд и культура должны соединяться.

Пятый замер. Я приведу примеры наиболее яркие. Рабочие выходят в выходные дни, работают, деньги отдают на просвещение мусульман. Делают шрифты для народностей Коми. Все это – в выходные дни. Выходят те же рабочие на заводах. Самы полуголодные и холодные. Работают в свободное от работы время для того, чтобы заработать деньги и обеспечить школы продуктовыми пайками. Энтузиазм, надо сказать, – это тоже один из замеров культуры.

Следующее. Это у меня идет, по-моему, уже шестой замер. Революция порождает потребность в культуре. Скажите, либеральная революция, которая у нас произошла в девяностых годах, она породила этот замер в культуре? Да, породила. Она породила замер в культуре, как атрибуте престижного потребления (вы сходили на Кирилла Серебренникова или сходили еще на какие-либо артефакты модные, где билеты стоят безумных денег), и она породила потребность в культуре, как средство карьерного роста. Скажите, пожалуйста, менеджеру из какой-нибудь нефтяной

компании важно знать, чем отличается поэзия Гийома Аполлинера от Михаила Светлова, от Таривердиева? Да не надо ему этого ничего знать. Культура не нужна.

Следующий замер. У меня еще есть две минуты? Следующий замер революции. Революция показала, что социализм возможен только на основе развития. Не абстрактного. А основой-то развития что может быть? Основой развития – революция заявила это в качестве принципа развития – является разрешение реальных противоречий. Их мир, который порождается, является основой разных форм отчуждения. Разрешение противоречий – то бишь революция заявила: находим всю социальную грязь, порожденную неразрешенными противоречиями, очищаем мир от этой социальной грязи, не камуфлируем рекламой. Проспект красивый, а зайди в углы, во дворы – грязь жуткая. Всё – противоречия. Выявление противоречий стало делом истории, стало делом культуры не случайно. Принцип развития определил то, что в советской культуре образ дороги, развития стал одним из доминирующих. Вспомните песни, картины, я опять обращусь к опыту Ренессанса. Вот там развитие субъекта породило образ перспективы. До этого в искусстве не было перспективы. Дюрер, художник, разрабатывает, как ученый, проблему перспективы. Вот и советская культура, как наследница, становление субъекта, тоже породило вот эту оптику, что, кстати, очень важно и в том, что в искусстве появилось то, чего не было никогда. В искусстве образ всегда давался готовым. Вы пришли в кино – уже готовый образ. Нет – кино стало той формой искусства, где этот образ получает становление. Монтажный метод Эйзенштейна. Кино. Кадр за кадром – как этот образ вырастает!

Следующее измерение. В искусстве это принципиально важно. Это измерение проявилось в том, что искусство, соцреализм – творческий, не казенный (кстати, казенный соцреализм показывал готовый образ!). Уже социализм, уже Сталин в белом кителе спускается с самолета, это называется «Взятие Берлина», по-моему, да, фильм? И народы освобожденные бегут к нему. Готовый образ? Нет, творческий соцреализм показывал столкновения людей по поводу выявления... – вот скажу мудрено, нет, не получается у меня проще. Столкновения разных принципов бытия людей, разных принципов отношения – к чему? К социализму? Нет. К партии? Нет. Много у нас фильмов, где герои говорят про социализм? Нет.

А главное столкновение по поводу отношения к отчуждению. Вот сейчас дождь начинается, все зерно намокнет, и так далее, а мой, мой рабочий день закончился, я ухожу. Так вот – нет, уставшие и замученные, мы начинаем спасать урожай. Вот это неотчужденное отношение к отчуждению или отчужденное отношение к отчуждению стало основой столкновения драматургии советского кино.

Почти уже заканчиваю. Революция вывела законы культуры. До революции культура была мировая, которую составляли слагаемые. Французская, греческая там, арабская – все накладывалось на культуры народов мира, они составляли мировую культуру. А вот революция породила новый тип культуры. Новый. Советская культура стала формой всемирной культуры. Все культуры вышли из комнат этой большой коммуналки и сели за один общий стол, и стали говорить, все культуры развернулись тем плечом, той стороной своего содержания, которая говорила: «Ну как же, человек-то должен выпрямиться!». Вот – было главное. Распрямление, выпрямление этого человека. Не случайно визитной карточкой в хореографии стал балет Хачатуриана «Спартак». Не про партию, не про социализм, не про оренбургские березки, а вот это символ истории освобождения человека.

И – заканчиваю уже примером. Революция породила принцип творческого неотчужденного отношения. Это – антологический принцип. Новое бытие.

Другими словами, гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?» – он был поставлен в советской истории и культуре. Только они «поставили» этот вопрос, дав другой ответ. «Быть или не быть?» означает «как быть». Не случайно Шекспир, фильм Козинцева, ленинградского великого кинорежиссера, «Гамлет», получил такое признание, что англичане сказали, что это – лучшая постановка за всю мировую историю. И короткий все-таки пример, буквально на полминутки. Привожу пример, когда культура становилась, включалась в эту историю. Гражданская война. Красноармейские театры. Какие там артисты? Красноармейца спрашивают: «Так, пойдешь в театр красноармейский, на фронт надо отправляться?» – «Конечно». Вот все эти, вот эти артистические группы, их везли всегда в красноармейской колонне, они шли последним обозом, чтобы их не подставлять, если начинается бой. И вот одно из таких

красноармейских подразделений потерпело поражение. И этот обоз был взят в плен, причем взят был в плен не белыми, а зелеными, просто дезертирами. Просто армия таких организованных дезертиров. Что? Кормить их? Да им самим – проблема с питанием. Конечно, этих расстрелять надо. Приходят вечером вот к этой группе красноармейских актеров и говорят: «Ну что, утром мы вас расстреляем; у нас нет выхода». И тут один из них говорит: «Хорошо, делайте, как считаете нужным, только можно – мы вам на прощанье спектакль сыграем?» – «Да, но только прямо сейчас. Бойцам отдохнуть надо». И красноармейцы играют спектакль. Тут же на ходу, не договариваясь – какие там сценарии! Тут же. Вот про этих дезертиров. Что с ними будет. Они сыграли спектакль. Тишина. Все ушли спать. На утро приходит руководитель – ну, я не знаю там, военный – этого подразделения и говорит: «Ведите к красным!». Триста человек вот эти трое увели к подразделениям Красной Армии. Вот. Вот он, антологический принцип. Культура, как антологический императив в истории. Спасибо.

(А.В. Бузгалин: Спасибо, Людмила. Я думаю, вы меня не заподозрите в личных симпатиях. Кажется, это очень достойное завершение первой части наших дебатов. Но это – последнее выступление в первой части, но не последние ремарки. Потому что у вас сейчас есть несколько минут для кратких реплик. Ну, Сергей Дмитриевич, давайте Вы, наверное, начнете эти реплики. Может быть, у кого-то еще будет желание сказать несколько слов. Так?)

**С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества
России, д.э.н., профессор**

(Стенограмма выступления)

У меня желание такое есть, у меня желание сказать есть всегда. Так сказать, реплики высказать и послушать реплики. Здесь я хотел бы в этой части буквально несколько слов сказать. Мне кажется, что очень важный момент подметил профессор Калашников в своем выступлении, когда он говорил о том, что мы очень сильно рванули в тридцатые годы, повернулись к индустриализации, это действительно так. Здесь, наверное, трудно возразить, что технологическая основа победы нашей была заложена как раз вот в этот период времени, когда всем государством, всем обществом мы навалились на ту самую задачу, развитие которой мы остановили в процессе Революции. Потому что индустриальное развитие у нас тогда было жестко, так сказать, прервано войной четырнадцатого года, ну, точнее, даже собственно завершением войны четырнадцатого года и Революцией. Помните, Сталин потом говорил, что если за эти десять лет мы не догоним наших, скажем так, условно, конкурентов, нас «сомнут». Сомнут, потому что он понимал, что противоречия, которые нарастают и, наверное, не только он понимал, а все у нас понимали, эти противоречия приведут все равно к очередному конфликту, где придется воевать не идеологией и не чем-то еще, а пушками, танками и самолетами. Это – важный момент.

Другой момент, который я хотел бы оценить несколько, может быть, чуть-чуть по-другому, по сравнению с тем, как это оценивает господин Калашников, наш коллега. Значит, о приведенных цифрах насчет того, что в середине века девятнадцатого 61% чугуна по сравнению с Германией мы выпускали, а потом 27%, так? На самом деле – здесь момент такой, важный. Я бы хотел, чтобы мы как бы в исторической ретроспективе глянули на эту тему. Почти до конца девятнадцатого века практически наращивание объемов промышленного производства –

стали, чугуна и прочих металлов – в то время это основные были вещи, которые были в экономике, в промышленности – у нас действительно развивалось очень медленно, и толком началось только с реформами, которые начал Сергей Юльевич Витте, имя которого носит наш институт. И реформы, которые в некотором ином виде, но все-таки – в продолжение реформы Столыпина, и Шеховцов их потом продолжал – на самом деле эти реформы заложили основу индустриального развития России. И если мы говорим о том, что мы производить начали чугуна 27% от уровня Германии, то нужно иметь в виду, что мы начали производить чугун и строить чугунолитейные и сталелитейные заводы на самом деле только с реформами, которые были начаты вот этими великими людьми. То есть, всего несколько лет, так? За несколько лет, за каких-то 15 лет мы очень сильно по пути индустриализации продвинулись в России. И если бы не война, – сначала Русско-Японская, остановившая многие позиции у нас, и вы помните эти проблемы, в том числе – и с металлами, с кораблями, и со всеми этими вещами, которые подтолкнули к дальнейшей индустриализации страны. На самом деле тоже действительно это был аргумент для царской верхушки, для правительства того времени – тогда стало понятно, что без этого нельзя дальше двигаться, и мы подошли к четырнадцатому году в условиях, когда у нас быстро развивалась индустрия, очень быстро развивалась. Особенно Петербург промышленный и Урал, промышленные центры эти. У нас росли железные дороги. Была построена самая большая в мире (до сих пор!) железная дорога, а это требовало тоже привлечения больших сил и капиталовложений. Но, тем не менее, действительно, это правильно абсолютно, что все отговаривали Николая II вступать в войну с Германией, потому что мы еще проигрывали ей вот в этом самом отношении. И весь четырнадцатый год, кампания четырнадцатого года и начало, там, до середины пятнадцатого года, когда мы сначала резко пошли вперед, потом откатились назад, если кто помнит историю Первой мировой войны, показывает, что у нас основная беда была в чем? Ни в чем не было беды, кроме того, что у нас не хватало снарядов. Элементарно – снарядов, пушек не хватало. Как только мы отступили и оставили эти первые позиции противнику, то сразу выявились эти вещи – не было резерва, запаса. И только к концу пятнадцатого года мы

научились это все делать, построили производство за это время, быстро, и в пять с половиной раз увеличили количество заводов, производящих пушки, сталь, металл – литейные заводы и так далее.

Я подчеркну, значит, что мы в 15 раз увеличили производство патронов в тот самый период времени, несмотря на то, что шла война. Мы сумели в 37 раз увеличить производство чугуна и стали и в 35 раз производство пушек. Вот такие данные, которые есть у меня. Они говорят о чем? О том, что если бы не была подготовлена индустриальная основа, это сделать было бы невозможно – так быстро нарастить все эти вещи. И, конечно, безусловно, революция повлекла приостановку, и вообще – развал вот этого довольно быстрого движения. Да, мы отставали, мы действительно много отставали, но напомню все-таки, что Россия была в то время первым экспортером в мире зерна. Кормила Европу, и в России было много программ, у этих предреволюционных правительств – в частности, программа ликвидации безграмотности, рассчитанная до двадцатого года, которая была сформирована в двенадцатом году. То есть до двадцатого года – ликвидировать начальную безграмотность. То есть – это важные были моменты, которые были остановлены сначала войной, а потом революцией. В том варианте, который у нас произошел. Если бы революция была менее кровавой, менее затяжной, менее жесткой, конфликтной, то, наверное, была бы более позитивная ситуация у нас и в экономике. Пришлось идти, так сказать, дальше тем путем, которым мы шли.

Что касается нового человека. Людмила Алексеевна здесь замечательно сказала, что революция формирует новых людей. Ну, как бы она ставит задачи формирования нового человека. Два момента. Первый момент. Вчера шел фильм о Троцком, если вы видели. Там показывали молодого Троцкого, который общался со своей подругой, в начале века, и она говорит: «А зачем Вам это все надо?». Он говорит: «Хочу видеть нормальных людей, красивых, умных, образованных, культурных людей, вот почему хочу революцию». А потом показывают уже революцию и Троцкого, который стоит, фотографируется с пьяными солдатами, с разбитыми лицами, и так далее, озверевшими от того выпитого и, наверное, произошедшего, которые говорят: «Иди сюда, сфотографируйся вместе, вот смотри, мы тут поймали фотографа, не буду говорить слово некорректное, известной национальности, да, значит, вот он

нас сейчас вместе сфотографирует». И он, Троцкий, стоит. И вспоминает тот самый эпизод юности своей. Вот что дала на первом этапе революция. Да, она ставит задачу. Она ставит задачу создать нового человека. Действительно, это естественная ситуация – когда меняется общество, меняется и человек. Но это вовсе не значит, что революция вот в таком варианте, который был у нас, могла родить вот такого человека, или там «подвигнуть» к такому человеку.

Ну, и что касается отчуждения.

Я хотел бы сегодня еще раз, обратившись к тому поколению, о котором говорил Жан Терентьевич, которое появляется сегодня у нас, сказать, что, на мой взгляд, это более глубокая реинкарнация той самой проблемы, о которой говорил в свое время классик – так сказать, проблема отцов и детей. Сегодняшнее поколение в силу гораздо более быстрого научно-технического прогресса, более быстрого технологического развития, гораздо более продвинуто по сравнению с тем поколением, которое сегодня является уже даже не дедами, а отцами. И в этом плане – это целое поколение растет. И мы должны это понять, почувствовать, что этот конфликт будет одним из самых важных, и вот в этом конфликте будет рождаться новый человек. Какой он будет? Посмотрим завтра. Но мы даем ему, наше поколение, предыдущее наше поколение, веками накопленное знание, культуру. И вот та культура в широком смысле этого слова, не искусство, не акты искусства, а культура, культура жизни, культура поведения, культура потребления всего и вся, культура отчуждения того же – это разные варианты преодоления отчуждения, или неотчуждения отчуждения, если я правильно Вас понял, Людмила Алексеевна. Спасибо.

(А.В. Бузгалин: Спасибо, коллеги, очень хочется, конечно, поспорить, я понимаю.)

(В.В. Калашников: Да нет, спорить – нет, просто – полезную реплику.)

(А.В. Бузгалин: Ну, пожалуйста, Владимир Валерьевич, пожалуйста.)

Меня не простят в Петербурге, если мы не дадим реплики...

(В.В. Калашников: Да, да, а мы тоже – что? Москвичи будут нам диктовать, что мы здесь делаем? Да? В конце концов, это наш город. Значит, коллеги, я хотел сказать, что я очень высоко вообще оцениваю индустриализацию Витте, и мне очень симпатично, что

ваш институт вообще носит его имя – это раз. Но вот я хотел бы привлечь ваше внимание к тому спору, который был между американским историком, одним из ведущих историков, его звали Теодор фон Лауз, и другим ведущим историком, его звали Александр Гершенкрон. Теодор фон Лауз сравнил индустриализацию Витте, и, грубо, индустриализацию Сталина. И пришел к выводу о том, что в двадцатом веке модель Сталина – она была приоритетна. Вот для вашего института очень важно разобраться, почему Лауз выиграл у Гершенкrona этот спор. Потому что я понимаю, чем вы сейчас занимаетесь, я приветствую то, что вы делаете, и вы это тоже немножко посмотрите, там серьезные, ценные вещи есть. Теперь второе – царь ошибся не в потенциале, понимаете, экономическом страны. И не во внешнеполитической ситуации. Она для России была уникально благоприятна, чтобы решить ту задачу, которую онставил. А задача была – Босфор, Дарданеллы, Константинополь и половина восточной части Турции. Ну, плюс мелочи – Галиция, Кенигсберг, ну это уже чуть-чуть совсем. Так? Так в чем он ошибся? В социально-политической стабильности российского общества. Вот была ошибка. Вот вы должны это понимать. И учесть, когда будем делать свою модель инновационного развития России для следующего президента. Спасибо.)

(А.В. Бузгинин: Спасибо. Сергей Дмитриевич, за Вами должна быть, да, своя рефлика.)

Вообще-то здесь нет возражения на самом деле. Почему? Потому что действительно, стабильность, устойчивость в этом очень важны, мы это всегда говорим. Другое дело, мы смотрели в институте, почему это происходило. Потому что мы понимаем, что это разные были условия стартовые – одно дело было у товарища Сталина, другое дело у господина Витте. И поэтому сравнивать эти две реформы, лучше или хуже, могли только люди, которые не очень хорошо, глубоко в это дело погружались. Формально. Поэтому эти специалисты не являются столь, на мой взгляд, глубокими авторитетами, чтобы, так сказать, безоговорочно принимать их точку зрения. Я полагаю, что мы все-таки более здесь правы, понимая, что, знаете, одно дело, когда ты уже знаешь, вот что-то кто-то сделал, условно говоря, кто-то доказал какую-то теорему, я как математик говорю. Ты говоришь, да, а вот в другом пространстве этой теоремы

нет, дай-ка я тоже докажу, да? Еще более эффективно и красиво доказал. Но это – другое пространство. Это первое. А второе – уже есть опыт. У Витте такого опыта не было. У Витте была совершенно другая ситуация в государстве, другие стартовые условия. И так далее. Так что здесь, я думаю, может быть, мы немножко еще поизучаем, но, тем не менее, мы как бы здесь уже много чего просмотрели, и нам кажется, что мы не должны принижать роль тех реформаторских усилий, которые были приложены в то время людьми, которые шли неведомыми путями. У нас есть другой пример реформаторства, когда, например, Гайдар начал реформы наши нынешние. При том, что и опыт исторический был, и прочее, да – но не было опыта перехода от социализма к капитализму. Результат мы тоже видели, какая у нас «шоковая терапия» получилась. Я думаю, что если бы кто-то другой производил такие реформы вслед за нами через пять или десять лет, это бы обязательно учли и, наверное, другие бы вещи какие-то бы по другому происходили. Даже, может быть, тот же самый и Гайдар. И вот в этом плане я еще раз хочу сказать, что я все же считаю, что очень большое, важное замечание наши уважаемые коллеги сделали все в общем и целом. Революция всегда, как говорится, «поедает своих детей», так? В той или иной форме все об этом сказали. И хотя революция создала предпосылки для каких-то других вещей, для, там, развития общества, она, тем не менее, на мой взгляд, в той форме, которая есть, в жестокости во всей, во всех своих проявлениях, не является для нас сегодня, в сегодняшнем понимании, образцом перехода к новому состоянию общества.

Мне представляется, что сейчас революция должна происходить больше, все-таки, этаким «мягким» путем, в умах, а не силой оружия, и не силой захвата тех или иных институтов, которые сегодня мы наблюдаем. В разных местах. На Украине, когда мы видим, что делается. Когда мы видим, что делается в исламских некоторых странах. И так далее, и тому подобное. Там – тоже революции, разные революции, цветные, исламские, прочие, где люди выходили на улицы, но – всегда заканчивались они кровью и не всегда, а чаще – на первом этапе – не позитивно влияли на развитие общества. Останавливая естественный процесс. Поэтому мне представляется, что важен тот тезис, который я в начале сказал о том, что все-таки необходима синхронизация вот этих самых вещей

– роста технологических возможностей общества и роста социальных возможностей, изменения соответствующих социальных структур, соответственно, изменение представления о культурных ценностях, и так далее. Логичное, завершающее, продолжающее друг друга, синхронизированное изменение с помощью тех инструментов, которые сегодня имеются. Мне бы хотелось видеть нашу революцию, революцию цивилизационную – такой, а не скачкообразной, не рывками, сопровождающейся кровью и бедствиями людей.

(А.В. Бузгалин: Спасибо, Сергей Дмитриевич, я буду завершать сейчас первую часть нашей дискуссии не с позиции Бузгалина, не в претензии на некоторые универсальные выводы, что было бы абсолютно неправильно, но хочу подчеркнуть, что ход диалога показал: мы согласны в том, что и нашей стране, и миру необходимо идти в ногу с развитием технологий, человеческих качеств, нового типа общественного взаимодействия, социума, экономики, природы, культуры. В этом мы согласны. Мы согласны в том, что когда назревают объективные изменения в экономических общественных отношениях, они должны происходить. И тормозить их – это преступление. Мы согласны в том, что будущее должно лежать в пространстве, которое, используя выводы доклада Людмилы Булавки, я бы назвал пространством разотчуждения. Преодоления подчинения человека внешним силам экономического, социального и технологического плана. Тот тип развития, о котором Сергей Дмитриевич Бодрунов говорит как о ноосферном, или нооразвитии, или нообществе – от слова ноосфера. Здесь мы согласны, и это важно.

Что касается оценки Октября, жертв, царя и так далее, Сталина и Витте – это спор, который идет в мире, спор, который идет в России. И было бы, наверное, наивно считать, что сегодня мы решим все проблемы в рамках полторачасового семинара. Аргументы серьезные высказаны здесь. Действительно по-настоящему крупные эксперты – Институт нового индустриального развития – над проблемой реиндустриализации, точнее индустриализации, деиндустриализации, новой индустриализации работает много десятилетий. Очень большой опыт у профессора Калашникова, у наших товарищей, которые этим занимались, мы

продолжим обязательно этот диалог и, наверное, в Питере, без участия москвичей, которые мешаются с регламентом. Хотя в Москве, может быть, наоборот.

**Презентация книги Самира Амина
«Россия: долгий путь от капитализма к социализму».**

**А.В. Бузгалин,
руководитель Центра современных марксистских исследований
МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель московского отделения
Института нового индустриального развития
им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор**

Сейчас у нас вторая часть нашей сегодняшней встречи. На мой взгляд, очень важная и интересная. Мы, я еще раз хочу сказать, благодарны Самиру Амину, который приехал в нашу страну, в Санкт-Петербург. И одна из главных целей его поездки – это презентация книги, которую он подготовил. Вот этой книги, Самир, я покажу: «Россия – долгий путь от капитализма к социализму». В самом названии уже есть вызов и вопрос, а к социализму ли? Вы сможете получить эту книгу по окончании презентации, да еще и с автографом автора. Но сейчас я хотел бы подчеркнуть два важных момента. Первый. Эта книга издана в рамках большого проекта, который ведет Институт нового индустриального развития по переводу и изданию книг выдающихся ученых, где ставятся проблемы возрождения российской экономики, общества, культуры, промышленности. И редактор русского издания, профессор Бодрунов, об этом пишет в предисловии, так что можете брать автографы сразу и у Сергея Дмитриевича, и у Самира Амина. Это первое. И второе. Мы сделаем презентацию, на которой выступят четверо, пятеро известных профессоров, нет, четверо. Я постараюсь минимально свои комментарии оставить, чтобы не занимать регламент. И мы предваряем эту презентацию фильмом, который Институт нового индустриального развития подготовил специально для того, чтобы мы открыли наш...)

(С.Д. Бодрунов: Ролик.)

(А.В. Бузгалин: Ну, ролик, да, такой пяти-шестиминутный ролик, который, я думаю, всем будет интересно посмотреть и который, я думаю, для Самира будет сюрпризом.)

(С.Д. Бодрунов: Тогда это – клип!)

(Ролик-презентация книги Самира Амина «Россия – долгий путь от капитализма к социализму».)

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества
России, д.э.н., профессор

(Стенограмма выступления)

Коллеги, такую небольшую презентацию мы сделали, чтобы немножко и сократить время обсуждения, да, и в то же время достойно представить эту книгу. Мне кажется, что-то удалось сделать. И это – действительно книга, которая начинает серию презентаций книг иностранных авторов, которые мы будем издавать на русском языке. Мы считаем, что это – одна из важнейших задач, которую надо сегодня решать, потому что доступность этой литературы, этих мыслей, этих идей все-таки на русском языке гораздо выше для нашей аудитории, чем на английском или на французском, на языке изданий, где это издавалось. У нас впереди еще ряд презентаций, мы будем всех приглашать, а сейчас я два слова со своей стороны добавлю к тому, что было здесь в нашей презентации.

Господин Самир Амин – это наш коллега. Он – во многом наш единомышленник, несмотря на то, что он несколько по-иному подходит к исследованию того будущего, которое, в общем-то, он видит. Мы примерно так же представляем себе путь развития нашей страны. И в этом плане, я думаю, – очень важно, что с разных точек зрения рассмотренная проблема, приводящая к одному и тому же результату, – это говорит о чем? О том, что тот результат, который мы ищем (или та истина, которую мы пытаемся постичь), – он действительно является истиной, или, по крайней мере, близким таким, хорошим, приближением к ней. Я, честно говоря, полагаю, что вот то, что сказано очень коротко в этой презентации, надлежит буквально, может быть, иногда подать тщательнее, иногда – простите за слово такое, «разжевать» – и дать нашей молодежи. Нашему нынешнему поколению людей, которое, вот вы знаете – в пылу, так сказать, технологического упоения возможностями, которые открываются. Технологическим прогрессом, а он у нас чаще связан с «западными ценностями». Чтобы они не схватили заодно,

вместе с технологической «наживкой», заодно и «крыбу» идеологии. Не попали на вот эти вещи, которые сегодня становятся все более очевидными, на те противоречия, на те попытки выйти из этого глобального поражения «традиционного» капитализма, в той форме, в которой сегодня он есть. И то, что мы наблюдаем, – это и есть такая гигантская попытка нынешнего глобального капитализма продолжить по-прежнему кроить мир, оставить его в том виде, в каком он сегодня устраивает многие западные цивилизации. Я думаю, что очень здесь важно было бы донести до молодежи вот эту самую правду.

Вы знаете, есть у нас такой в России академик В. Гольданский. Он когда-то примерно такую фразу сказал, очень важную, на мой взгляд. Я даже у себя в кабинете повесил на стенке. «Все, что нам говорили о социализме, – было вранье, а все, что говорили о капитализме, оказалось, к сожалению, правдой». Вот вы знаете, когда академик говорит такую мудрую мысль, наверное, он говорит про социализм еще в том виде, в каком мы это видели. Мы жили в социализме, точнее – мы жили в тот период времени, когда был социальный строй, называемый социализмом. Я не думаю, что это – тот социализм, о котором думал Ленин или о котором говорил в свое время Маркс. Это был, может быть, некий «другой социализм», другое устроение общества. Я полагаю, что то, что впереди – это общество, основанное на другом технологическом укладе, оно более «социалистическое» по многим параметрам. Это – новое индустриальное общество нового поколения, которое, в отличие от того, как некоторые говорят, будет «интегрировать в себе лучшие черты капитализма и социализма», не будет «интегрировать» ничего; но – то, которое вырастет из сегодняшней жизни, самостоятельно вырастет. И которое выкует свои собственные ценности, свои собственные идеалы, которые будут похожи и на те, которые есть – в разных обществах, и на те, которые, в разные времена были. Но это – не механическое соединение, это совершенно другой способ «выращивания» новой цивилизации. Она уже на пороге. Мне кажется – об этом, с точки зрения мир-системного подхода, говорит и господин Самир Амин. Он говорит еще и о необходимости нам идти тем путем, который сегодня очень важен и которым, собственно говоря, Россия в какой-то, значительной, мере начинает двигаться.

Но в России, я имею в виду – у нас есть разные «направления движения», поэтому чаще «топчемся на месте». Кто-то из нашей элиты полагает, что неолиберальные ценности – это ценности, так сказать, универсальные, и они должны быть такими и для нас. Кто-то полагает, что – нет, надо развивать свое собственное видение и иметь в виду «русский мир» и прочие вещи. В какой-то мере, следуя здесь, так сказать, наставническим мыслям господина Самира Амина, я говорю, что нам надо бы отключиться от тех вещей, которые в нынешней экономике пропагандируются как самые главные ценности сегодня, которые сегодня у нас связаны собственно с капитализмом как таковым. Это – ценности «свободного рынка», свободного регулирования и так далее. Но уже Кейнс говорил о том, что это – нестабильная система, и сегодняшние исследователи об этом говорят, и мы сами это наблюдаем, и поэтому мы считаем, что надо, как говорится – помните революционную песню? – отказаться от «старого мира, отряхнуть его прах с наших ног». В этом плане – от тех старых идей, от тех идей, которые сегодня пытаются навязать, если говорить аккуратно, структуры, которые, в общем-то, выражают свои желания не только в идеях, но и в действиях. Мы должны от этого все-таки отойти, осознать наш путь, и осознать, что, если говорить об экономике, этот путь – это дорога индустриального развития, быстрого развития России, как это бывало уже в те времена, о которых мы с вами только что говорили, и – на этой базе – ее модернизации, не только экономической, но – институциональной; я об этом писал еще 5-7 лет назад. Спасибо.

(А.В. Бузгалин: Спасибо. Вот часы бьют полдень, а у нас удивительная для России точность следования плану нашей встречи сегодняшней. Самир попросил перенести его вступительное слово, наоборот, на заключение, с тем чтобы отреагировать на ремарки коллег, которые будут обсуждать его книгу. Я думаю, в этом есть свой резон, Сергей Дмитриевич. И я с удовольствием предоставляю слово в следующем порядке нашим коллегам: Дзарасов, Дворжак, Саввас Матсас и Рязанов. Прежде всего, Руслан Солтанович Дзарасов, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии нашей Плехановки, Российского экономического университета. У нас сохраняется прежний регламент – 10 минут. Руслан, Вам слово. Только вот там есть микрофон, и его еще надо включить.)

**Р.С. Дзарасов,
заведующий кафедрой политической экономии РЭУ
им. Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор**

(Стенограмма выступления)

Спасибо. Дорогие коллеги! Я хочу сказать несколько слов о русской революции и ее наследии в свете этой работы Самира Амина, которую мы сегодня обсуждаем. Я не хочу повторять основное содержание его работы, тем более, что оно хорошо представлено в фильме, который мы сейчас посмотрели. А хочу только порассуждать о некоторых проблемах, которые в этой работе подняты. Прежде всего, хочу сказать, что Самир Амин, как мне представляется, выражает такое наиболее марксистское направление в мир-системном подходе, который, вообще-то говоря, вышел из марксизма, но большинство его видных теоретиков в той или иной степени ослабили связь с марксизмом, а Самир Амин ее полностью сохранил. И из множества книг, которые он написал, я хотел бы выделить особенно книгу «Закон всемирной стоимости». Потому что в этой книге сформулировано очень важное понятие империалистической ренты. Мне кажется, это – вот такое парадигмальное понятие. В этой работе Самир Амин показывает, что закон стоимости Маркса применим к интерпретации мировой экономики, использует модель превращения стоимости в цену производства. Для наших молодых коллег, которые не проходили «Капитал» Маркса, я поясню, что там речь идет о том, что прибавочная стоимость создается согласно доле труда в данной отрасли, но присваивается по силе капитала. То есть – отрасли, где капиталовооруженность труда выше, захватывают большую часть прибавочной стоимости. Большую, чем создана в их отраслях – за счет других отраслей, где капиталовооруженность труда ниже. И вот, интерпретируя эту модель с современных позиций, апеллируя к современной формулировке концепции аграрной ренты Рикардо, Маркса, Самир Амин объясняет, что вот эта дополнительная часть прибавочной стоимости, присваиваемая более сильными, более сильным капиталом – это и есть империалистическая рента. В современной мировой экономике она возникает благодаря

разнице в оплате труда между центром и периферией.

(С.Д. Бодрунов: А за счет чего? За счет более высокой знаниемкости продукции и, соответственно, технологической вооруженности...)

Вот почему производство перемещено в последние десятилетия в таких масштабах. Потому что вот это – глобальный сдвиг с севера на юг. И вот эта империалистическая рента, мне кажется, выражает сущность самого феномена периферийного капитализма, которая затушевана в наследии Валленстайна, Андре Юдена Франка и других, тоже блестящих интеллектуалов этого направления. А природа экономическая периферийного капитализма состоит в том, что он значительную часть доходов, созданных населением этих стран, безвозмездно передает транснациональному капиталу центра. Вот это – сущность этой капиталистической ренты. Да и, собственно говоря, накопление капитала компрадорским капиталом осуществляется благодаря вот такой передаче. И с этих позиций и объясняется феномен российского общества, российской экономики в книге Самира Амина.

(С.Д. Бодрунов: Извините, я прямо скажу, вот это называется продажа с откатом.)

Да, можно и так сказать.

(С.Д. Бодрунов: Никто ничего нового в мире не придумал на сегодня, «старо как мир». И это вскрыл Амин.)

Но вот есть и замечание – не совсем у Самира Амина, мне кажется, в этом, по крайней мере, некоторые противоречия наблюдаются. С одной стороны, говорится, что Россия не принадлежала ни к центру, ни к периферии, прямо говорится, что Россия не была периферийной страной, но на некоторых других страницах говорится, что выражение «периферийный капитализм» для России предпочтительнее. Мне кажется, что здесь вот это – смесь зависимостей, и в то же время – стремление утвердить свою независимую роль, которая была характерна и для царской России, и для путинской России, выражается категорией полупериферии. Вот, может быть, Самир Амин меня поправит, но я бы такое понимание предложил в рамках этой концепции. И я думаю, что индустриализация в царской России, тут я вот надеюсь, Сергей Дмитриевич не обидится, если я больше солидаризируюсь с

позицией Владимира Валерьевича, что индустриализация в царской России была в значительной степени основана на привлечении иностранного капитала за счет экспорта дешевого русского хлеба и таким образом она бременем ложилась на нас...

(С.Д. Бодрунов: А я вот с этим-то не спорю!..)

...А, с этим не спорите, ну тогда, значит, наши различия в трактовке...

(А.В. Бузгинин: Вы знаете, извините, Руслан, я просто хочу сказать, что Институт нового индустриального развития факты уважает даже больше, чем позицию руководителя. И руководитель всегда позицию свою сверяет с фактами, а не с амбициями. Тут я могу в этом заверить.)

Ну, тогда у нас больших расхождений нет, потому что вот эти высокие темпы промышленного роста, они, конечно, оплачивались, сопровождались деградацией аграрной сферы, это была главная уязвимость развития русского капитализма. И вот давайте посмотрим на эту табличку. Вот, посмотрите, пожалуйста. Здесь сравнение национального дохода подушевого. В царской России и в некоторых государствах – соперниках России. И вот посмотрите на третью табличку за 1861 год. Здесь национальный доход на душу населения. Россия взята за 100%, и мы видим отставание от основных стран – конкурентов. А теперь, если мы посмотрим на последнюю колонку, которая отражает 1913 год, то мы видим, что разрыв в подушевом доходе между нашей страной и конкурентами усилился. Это и есть, на мой взгляд, результат того, что транснациональный капитал Запада присваивал империалистическую ренту. И действительно, зависимость проявилась и в военной сфере. Мы, например, подписали военную конвенцию с Францией, по которой одновременно должны были в будущей войне наступать по двум стратегическим направлениям – в Галиции и в Восточной Пруссии. А страна не могла обеспечить два направления...

(С.Д. Бодрунов: Да, я сказал, технически не были готовы...)

Именно, и поэтому русская армия была разгромлена в Восточной Пруссии в начале войны. Армия, вы знаете, наверное, Самсонова, просто была сметена, а армия Ренненкампфа разгромлена одной немецкой армией, которая имела преимущества в артиллерии, а 70% потерь наносилось именно артиллерией. Которая

опиралась на сеть железных дорог за Мансурскими болотами, все быстро перебрасывалось, хотя русские солдаты были не менее храбрыми, русские офицеры не менее подготовленные, чем немецкие, эта победа – это поражение именно экономики. И вот, если бы наши революционеры имели возможность почитать книгу Самира Амина и познакомиться с мир-системным подходом, то пришли бы, я думаю, к более близкой позиции. Потому что одни аспекты вот такого положения межеумочного в мировой капиталистической системе отражались народниками русскими, говорившими о невозможности развития капитализма, а другие – отражались социал-демократами, утверждавшими, что Россия пойдет по пути европейского капитализма. И капитализм действительно развивался, но в совсем других формах. И это и выражалось в том, что русская революция не смогла удержаться в рамках буржуазно-демократических форм, потому что русская буржуазия оказалась слишком зависима от самодержавия и не возглавила буржуазно-демократические преобразования. Наоборот, кадеты сделали ставку на силу в борьбе с демократическими институтами, созданными революцией, потому что в них преобладали социалисты, и именно поэтому, именно то, что буржуазные элементы превратили демократические институты в инструмент нарушения прав широких трудящихся масс, именно поэтому революция и «потекла» к большевикам. То есть, вот то, что она обернулась таким насилием, кажется, является не столько результатом кровожадности революционеров, сколько результатом того, что русская контрреволюция отставала от старые, уже отжившие, формы жизни.

(С.Д. Бодрунов: Верно, об этом противоречии мы говорили еще на январской нашей конференции...)

И о советском обществе с этих позиций пишет Самир Амин – и он перестал рассматривать советское общество как социалистическое. Мне кажется, для этого есть определенные основания. Но я не согласен с его утверждением, что бюрократия превратилась в новый эксплуататорский правящий класс. Мне ближе тут позиция тех большевиков-оппозиционеров, которые полагали, что бюрократия занимает среднее положение между рабочими и буржуазией, что частично интересы рабочих совпадают с интересами бюрократии, а частично ей противоречат, и именно на

этом левая оппозиция, например, строила свой прогноз того, что если не появится альтернативный демократический социализм в Европе, то в этом случае возврат к капитализму в Советском Союзе возможен. Сегодня мы можем оценить прозорливость этого прогноза. Но, конечно, Самир Амин очень точно определяет причины распада СССР и говорит о том, что это была своеобразная революция, но направленная сверху, направленная сверху вниз. От правящего класса, а не снизу вверх, не от народа. Разумеется, народ не хотел перехода к капитализму. Но вот эта переродившаяся советская бюрократия сочла более выгодным для себя стать частным собственником, и в результате Советский Союз распался.

И что касается сегодняшнего российского капитализма, то Самир Амин обсуждает его в координатах современной мирсистемы, в которой он определяет российский капитализм как малую периферию современной империалистической системы. И действительно, для этого есть определенные основания. Это – и сырьевая ориентация нашей экономики, и вывоз капитала систематический из страны, и трансформация производственной системы и социального строя, и формирования вот этого слоя компадорских олигархов. Но мне все-таки кажется, что есть и другая сторона – то, что Россия унаследовала от СССР ядерное оружие, и не все уничтожено в научном и образовательном потенциале, не полностью разрушен промышленный потенциал, к счастью, который создал Советский Союз. И поэтому мне кажется, что более логично было бы в категориях мир-системного подхода отнести Россию, как и другие страны БРИКС, к полупериферии. Хотя, в отличие от Китая, Россия, конечно, деградирует в сторону чистой периферии. Но в книге Самира Амина, мне кажется, одной из сильных сторон является указание на то, что в условиях мирового кризиса реакционная сторона капитализма резко усилилась, фашизм возвращается в практику империалистических государств, и вот этот путч, неонацистский путч на Украине комментируется и интерпретируется именно в таком смысле. И сегодня вмешательство империалистических стран, которые спровоцировали этот кризис и направили его против России, – это уже достаточно очевидно, вот здесь приведено соответствующее высказывание американского президента: «Мы опосредовали передачу власти на Украине». Вот такой своеобразный империалистический эвфемизм. И конечно,

Самир Амин совершенно справедливо выводит вот это обращение к фашизму из того, насколько усилилась реакционная природа капитализма в условиях мирового кризиса, когда вот этот пирог, который делит транснациональный капитал, резко уменьшился, и в результате – напор на периферию со стороны транснационального капитала центра резко усилился. И в заключение хочу сказать, что эта книга подводит нас, конечно, к главному вопросу: надо ли покончить с кризисом капитализма или – с источником этого кризиса? Я хочу сказать, что мы об этом узнаем из следующей книжки Самира Амина, если Вольное экономическое общество переведет и издаст ее. Все. Спасибо за внимание.

(С.Д. Бодрунов: Это уже обещано.)

(А.В. Бузгалин: Ну вот и отлично. Спасибо большое, Руслан Солтанович, я думаю, Ваша презентация найдет достойное отражение в итогах нашей сегодняшней встречи. Мы продолжаем наш разговор, я рад предоставить слово Херману Дворжаку, координатору Австрийского социального форума, одному из лидеров Всемирного социального форума и Европейского социального форума.)

**Дворжак Херман,
профессор, координатор Австрийского социального форума,
Австрия**

(Стенограмма выступления)

Опираясь на результаты очень интересной дискуссии и на великолепную книгу Самира Амина, я бы хотел уделить внимание двум вопросам. Первый: какую оценку можно дать революциям? И второй: каково их значение сегодня? Есть ли вероятность того, что мы увидим новые революции? Носит ли эта дискуссия гипотетический характер, или она весьма предметна?

Сегодня перед нами стоит следующий вопрос: можно ли считать революции своеобразным двигателем истории? С моей точки зрения, революции оказывают эмпирический, а не теоретический или политический эффект. Именно благодаря своему эмпирическому эффекту революции являются «двигателями истории». Какое место занимала бы буржуазия, не случись революции во Франции в 1789 г. и 1830 г. и революции 1848 г. в большинстве европейских стран (Австрии, Венгрии и т.д.)? Таким образом, революции совершаются не только в интересах угнетенных или пролетариата. Во многих странах буржуазия пришла к власти в результате революции, то есть революционные действия помогли буржуазии войти в историю и укрепить свои позиции. Означает ли это, что у меня примитивное представление о революции? Конечно, можно восхвалять социалистическую революцию, например, Октябрьскую революцию 1917 года, чтобы сойти за оптимиста, и закрывать глаза на сопутствующие проблемы, но это – неправильный подход. Проблемы можно и должно обсуждать. Революция 1917-го года и Гражданская война привели к возникновению массы противоречий – например, и сегодня для нас остро стоит проблема оценки эпохи сталинизма, но сейчас я не буду на ней останавливаться. Один из докладчиков упомянул о том, что революция открыла ящик Пандоры и характеризовалась беспрецедентным всплеском насилия. Но я думаю иначе. В какой-то мере он уже был открыт. Какой была обстановка в России не только перед 1917 годом, но и перед 1905 годом? На мировой арене

господствовали колониализм и империализм. Рассмотрим пример Австрии: какие цели преследовал император Франц Иосиф во второй половине девятнадцатого века? Он оккупировал Боснию, что вполне могло послужить поводом для начала войны. В принципе на Балканах войны велись, и складывалась очень непростая ситуация. Подобные действия послужили толчком к развязыванию Первой мировой войны. Она началась не случайно. Все империалистические державы стремились расширить свои владения и сферу влияния. Россия жаждала обрести контроль над Дарданеллами, Австрия намеревалась править Венгрией и хотела продвинуться дальше на Балканах, чтобы усилить свои позиции в мировом масштабе, и т.д. Мы могли бы еще долго обсуждать разные империалистические амбиции того времени. Однако Октябрьская революция положила конец Первой мировой войне. Если бы не события 1917 года в России, война бы не закончилась. Не знаю, как долго она бы продолжалась, но определенно она шла бы еще какое-то время. Идея прекращения войны принадлежит именно тем силам, которые одержали верх в ходе Октябрьской революции.

Поэтому, не отрицая проблем, возникших в ходе революции и по ее окончании, не соглашусь с тем, что именно революция открыла ящик Пандоры. Проблемы начались задолго до этого.

Второй, и, по-моему, самый главный момент. Конечно, все собравшиеся представляют научное сообщество, поэтому мы априори должны такого рода вещи обсуждать, принимая во внимание новые факты, если таковые поступают в наше распоряжение. Однако самый главный вопрос на сегодняшний день следующий: какое звучание эти вопросы приобретают в современном контексте?

Я бы сказал, что сегодня в большинстве стран нет предреволюционной ситуации. За редким исключением в большей части мира в настоящий момент вероятность революции совершенно исключена.

Но у нас все равно огромное количество проблем. В первую очередь, я бы хотел остановиться на странах с развитой промышленностью. Проблема безработицы в них не решена, то есть количество безработных продолжает оставаться высоким. Не только в Греции, положение которой можно охарактеризовать как трагическое, но и в Испании и Италии уровень безработицы

достигает 40-50%. Что это значит? Что у целого поколения фактически нет будущего.

Также до сих пор не решена проблема беженцев. Общеизвестно, беженцы продолжают прибывать. Они бегут от войны, от чрезвычайно тяжелых условий у себя на родине, например в Африке, и приезжают в Европу, где снова попадают в ужасную социальную и экономическую ситуацию. Европейский Союз не в состоянии найти ответ на этот вопрос. До сих пор европейские власти не придумали ничего лучше, чем строить заграждения и сдерживать поток беженцев при помощи армии и полиции.

Третья (огромная!) проблема: изменение климата и экологическая ситуация. Если мы не примем меры, последствия будут катастрофическими. Позвольте напомнить известный слоган: «Запасной планеты у нас нет». Вскоре частота и масштаб стихийных бедствий могут значительно возрасти. Когда это произойдет, сможем ли мы найти решение, если будем обладать более развитой промышленностью? Большим количеством компьютеров? Более высоким уровнем образования? Не думаю.

Так как по регламенту у меня осталось не так много времени, перейду к рассмотрению ситуации в неиндустриальных странах: Мексике, Тунисе и Южной Африке. Как говорит известный экономист Ростоу, «эти страны продолжают топтаться на месте». Конечно, некое развитие наблюдается, но в большинстве своем в этих странах центры индустриального развития напоминают оазисы в пустыне. Они не способны оказывать влияние на состояние общества в целом.

Последний вопрос, который я бы хотел обсудить, – это вопрос образования. В Тунисе молодежь получает образование, но не может найти работу, а работы нет из-за господства капитализма, капитала и логики получения прибыли. Вот в чем причина.

И последнее – о ситуации в России. Честно говоря, я не претендую на роль эксперта, но из года в год я слышу рассуждения о новой промышленности, втором круге индустриализации и т.д. Но когда я смотрю на цифры, приведенные профессором Тощенко, я понимаю, что слова не подкрепляются действиями. По моему мнению, для движения в этом направлении и для России в целом существуют сильные политические ограничения – как для стран третьего мира, так и для индустриальных стран. Полагаю,

сложившуюся ситуацию можно переломить, проведя масштабные политические преобразования. Не могу пока сказать, будут ли эти преобразования революционными. Поживем – увидим.

(**А.В. Бузгинин:** Спасибо, Херман. Вот смотрите, какое розовое социал-демократическое представление. Я думаю, это нормально, когда идут дебаты, высказываются разные взгляды и когда есть спокойная полемика, хотя иногда энтузиазм бывает высок. Но я еще раз подчеркиваю, у нас здесь такой откровенный разговор. И мне кажется очень важным, чтобы разговор был откровенным, а мы не делали вид, что какой-то позиции просто нет потому, что мы с ней не согласны, и наоборот. Я рад предоставить слово Саввасу Матсасу, коллеге, который выполняет очень разные роли – и литературного критика, и философа, и политика, и экономиста, и одного из лидеров общественного движения в Греции. К тому же, он еще профессиональный врач, который как-то меня успокоил в Греции, сказал: Саша, это все ерунда, когда я считал, что это трагедия, когда я упал на улице. Ну хорошо. Саввас Матсас.)

**Саввас Матсас,
профессор, Университет Афин, Греция**

(Стенограмма выступления)

Спасибо, уважаемые коллеги, дорогие товарищи, доброе утро и с праздником!

Для меня большая честь быть сегодня с вами здесь, особенно в такой день, а также представлять новый перевод на русский язык книги, написанной моим другом Самиром Амином. Книга достаточно короткая, легко читаемая, но с глубоким смыслом. При чтении нужно быть очень внимательным, иначе вы упустите ключевые теоретические вопросы. Теоретические вопросы крайне важны в данной книге. Они могут иметь практическое значение, поскольку Самир Амин является не только великим теоретиком, но и практиком, который работает над тем, чтобы изменить мир.

Я бы хотел в нескольких словах рассказать о теоретических, практических и политических вопросах, которые поднимаются в этой важной книге. Почти в конце книги Самир Амин говорит, что существует одна глобальная история, но взгляды на данную глобальную историю все разные. Для нас очень важно разобраться в данном диалектическом утверждении: с одной стороны – глобальный характер истории, многочисленность и разнообразие подходов к истории, а с другой стороны, что как раз и относится к историко-материалистическому методу, используемому Самиром Амином, – важность перспективного взгляда на историю в значении, которое объясняется в моей собственной работе и называется «Генеалогия настоящего и политическая онтология основ современных политических задач». Как упоминает Самир Амин в своей книге, перспективный взгляд на историю появился тысячи лет назад и всё ещё используется сегодня. Это генеалогия текущего состояния. Такой перспективный взгляд представляет основу для понимания истории как перехода. Поэтому очень важно, что Самир Амин уделяет большое внимание этому вопросу, т.е. диалектической, сложной и неоднозначной концепции перехода, акцентируя на этом внимание во всей своей работе. Согласно его определению, переход – это не просто постепенное или

количественное изменение (включенное в концепцию). Он придаёт особое значение важности переломных моментов истории или нарушений непрерывности, т.е. переходу от докапиталистического до капиталистического общества, или от капитализма к коммунизму. Как утверждает Самир Амин, критикуя Пола Кеннеди, в противном случае мы вернемся к мифическому и циклическому взгляду на историю.

Таким образом, понимание переходных нарушений непрерывности означает то, что вы переходите к нелинейному взгляду на историю, т.е. историю, которая понимается нелинейным, механическим, эволюционным или последовательным образом. Вы понимаете качественные скачки и изменения, переломные моменты, а не только количественные изменения. Кроме того, понимание происходит через призму того, что долгий переход не является процессом быстрых радикальных перемен (в то же время это может быть двусмысленным понятием). Долгий переход, включая долгие коренные изменения – это совсем не то, что вы себе представляете на самом деле. Это – не просто добавление долгих новых моментов к предыдущим моментам. Нам следует разъяснить понятие перехода, поскольку переход также подразумевает и кризис такого перехода. В 1990-е годы я написал небольшое эссе с Александром Бузгалиным и другими моими друзьями. В этом эссе я описал кризис перехода. Что происходит с обществом, которое не может вернуться, например, в советское время, или не может продвинуться, скажем, к полностью развитому капитализму, или же не может оставаться в одном и том же периоде? Что происходит при блокировании перехода? Всё это мы могли наблюдать в прохождении общественно-экономических формаций общества. Также мы могли это наблюдать и в этой стране, я думаю, в некотором смысле под влиянием мирового кризиса или экономического кризиса в России в 1998 г. Кроме того, я поддерживаю политику Евгения Примакова, которую он проводил в тот период.

Теперь перейдем к другой стороне вопроса. И снова мы сталкиваемся с нелинейным взглядом на историю. Как утверждает Самир Амин, наилучшим доказательством этого является то, что распад Советского Союза развеял миф о так называемой «необратимости социализма в пределах одной страны». Итак, социализм не является необратимым. Необратимые процессы

существуют только для тех, кто рассматривает историю с механической точки зрения, а так же, как противопоставление внутренней и мировой борьбы живых сил. И диалектика между внутренним и мировым пониманием включает такое понимание. Поскольку у меня мало времени, я надеюсь, что у меня будет возможность написать обзор по этому вопросу, поскольку диалог стоит продолжить.

Попутно я хотел бы отметить, что для тех, кто присутствовал на мероприятии в Москве 3 ноября – это не диалог между Троцким и Сталиным, потому что я не представляю Троцкого, а Самир не представляет Сталина. Мы являемся последователями великих деятелей в истории и, если можно так выразиться, это больше похоже на диалог между Троцким и Мао.

В книге Самира Амина описываются важные моменты в истории правления Сталина, которые были неизбежны. Но на сегодняшний день самым важным моментом для генеалогии настоящего является текущее положение дел в России. И это ещё одна точка соприкосновения.

Самир акцентировал внимание на опасности латиноамериканизации бывшего советского пространства. В моих работах и презентациях я использую термин «колонизация советского пространства». Я думаю, что между терминами, приведенными выше, нет большой разницы, поскольку латиноамериканизация характеризуется полной зависимостью с формальной политической независимостью государства, т.е. зависимостью тех, кто подвергся колонизации западного империализма. И это представляет большую проблему. Что кроется за ситуацией, происходящей в Украине? Что кроется за противостоянием между империалистическим Западом и Россией? И Китаем, но в другой форме? Или Северной Кореей? Сейчас наблюдается крайне важное противостояние. Увидеть – означает осознать историческое значение момента. Несколько лет назад Ниалл Фергюсон написал книгу с достаточно надменным названием – «Запад и остальной мир» (*The West and the Rest*). Другими словами, все мы – это остальной мир. «Остатки». Не только Греция, но и Россия и даже Китай. Запад, или, как Самир называет его в своей книге, Центральная триада (США, Западная Европа и Япония, хотя Япония и не находится на западе) является единственной цивилизованной частью мира. Мы должны понимать,

что сегодня Самир Амин борется против русофобства и очернения России, что особенно должно быть понятно западным читателям книги. Если вы отправитесь во Францию или другие европейские страны, вы должны бороться с этим. Это очень важно. Если мы будем бороться против империализма и поддержим Россию, то нас будут называть праворадикальными.

Некоторые рассматривают данное противостояние как внутренне-империалистическую конкуренцию и говорят именно об империализме России или Китая. Согласно утверждению Талейрана, они не только совершают преступление, но и показывают свою глупость, поскольку научные основания для таких характеристик отсутствуют.

Я бы хотел подвести итог в двух словах. Я возвращаюсь к началу, но с учетом всех аспектов, о которых я говорил. Большой переход, который стал особенно тяжелым для России, является переходом от капитализма к социализму, коммунизму. При этом нам необходимо четко осознавать, откуда мы идем и к чему направляемся. На мой взгляд, вы направлялись от фактически несуществующего социализма к фактически несуществующему капитализму. Именно в этом заключается проблема. Но коммунизм, как заявила Людмила [Булавка-Бузгалина], – это преодоление человеческого отчуждения во всех его формах. Первым шагом стала Октябрьская революция, но коммунизм не ограничивается всего лишь электрификацией и советской властью, при всем моем уважении к Ленину. Коммунизм – это отмена отчужденного труда и всех форм отчуждения. Следовательно, экспроприация экспроприаторов означает реапроприацию и конструктивную переоценку всего человеческого. Как отмечали деятели культуры послереволюционной советской России, мы должны выйти за пределы человеческого. Новый человек не должен быть диким животным, которое обречено на вымирание. Вопреки мнению мировых правителей, мы должны стремиться к будущему, а не возвращаться обратно к первобытному состоянию. Благодарю за внимание.

(А.В. Бузгалин: Спасибо, Саввас. Ну вот, мы выслушали два очень интересных сообщения о книге С. Амина с левого фланга. Я думаю, будет правильно, если взвешенный взгляд на эту книгу представит профессор Рязанов, д.э.н., заведующий кафедрой

экономической теории экономического факультета СПбГУ. Виктор Тимофеевич, Вам слово, пожалуйста.)

**В.Т. Рязанов,
заведующий кафедрой экономической теории
Санкт-Петербургского государственного университета,
д.э.н., профессор**

(Стенограмма выступления)

Спасибо, я правда не уверен, на каком я фланге, куда меня поместили, но тем не менее, хочу поделиться своими впечатлениями по поводу прочитанного. Прежде всего, хочу сказать, что действительно, эта книга Самира Амина – полезная, важная и, что еще очень важно для любого, так сказать, произведения, она легко и хорошо читается. И перевод хороший. И я получил большое удовольствие, прочитав ее, изучив эту книгу, в ней действительно очень много содержится важных и неожиданных теоретических характеристик, теоретических оценок, которые очень оригинальны, хотя далеко и не бесспорные. Ну, у меня времени не очень много, поэтому я вынужден выделить самое главное, и, может быть, не повторять то, что уже было сказано. Но все-таки, с точки зрения общего такого впечатления о книге, я бы сказал, что это, мне кажется, такой пример достаточно удачного, успешного постмарксистского синтеза. Я имею в виду соединение марксизма с мир-системным подходом, и вот это соединение как раз и позволило дать достаточно оригинальную характеристику того, что происходило и происходит в мире. И вот для этого подхода очень характерно то, о чем пишет сам автор, это – соединение истории и географии. И вот это очень важный момент, который и позволил дать очень такую объемную и очень содержательную характеристику процессов, которые происходили и происходят в мире и в России.

Я бы в этой связи просто еще раз хотел бы обратить внимание, что это – действительно новый подход, потому что мы хорошо знаем, что Маркс абстрагировался от роли внешнего фактора и исследовал на примере Англии, рассматривая феномен капитализма как феномен национальный. И одно из первых дополнений и расширения концепции Маркса было связано с работами Розы Люксембург, которая как раз ввела внешний фактор

как один из основополагающих в характеристике современного капитализма, что очень важно. Ну и, собственно, Самир Амин продолжает эту линию и, мне кажется, здесь очень важные дополнения и важные характеристики. Я остановлюсь на двух важных проблемах, хотя их на самом деле значительно больше, и здесь можно говорить о многом, многое чего обсуждать, по поводу чего можно спорить. Первое – по поводу характеристики Октябрьской революции, все-таки мы здесь – 7 ноября 2017 года, пушка уже, правда, выстрелила в 12 часов, но это была не «Аврора». Поэтому, конечно, все-таки еще раз по поводу Октябрьской революции, тем более – есть смысл и значение переговорить, поскольку здесь истоки многих последующих процессов содержатся.

Так вот. Самир Амин дает иную характеристику, нетрадиционную характеристику. Я имею в виду – если иметь в виду то, что доминировало в наших представлениях. Он, по существу, считает, что Октябрьская революция не была социалистической. Это – революция, и там есть разные, так сказать, версии оценки этой революции. Она была народной, антикапиталистической. Ну, народной, он имеет в виду, что это крестьянство, поскольку 85% населения – это было крестьянство. В некоторых других местах он называет революцию и вот этот строй, который затем возник, как примитивный социализм, хотя, мне кажется, здесь все-таки немножко хотелось бы поспорить. Скорее всего, если и пользоваться понятием «социализм», то не примитивный, а первичный, простейший социализм, это вот было бы более точно. Почему Октябрьская революция в трактовке Самира Амина не является подлинно социалистической? Дело в том, что любое событие, а тем более крупное событие, надо оценивать по намерениям. И лозунги, так сказать, и надежда на мировую социалистическую революцию – все это присутствовало, и именно такое представление о сути противоречия, которое в тот период возникло – а это борьба и затем Гражданская война, – как раз отражало именно вот эту установку. Люди боролись за социализм. И в этом смысле это отражает социалистический потенциал этой революции. А что потом произошло? А потом произошла определенная трансформация, и намерения, с учетом тех реальных условий, в которых находилась экономика и общество в СССР, она, эта революция, трансформировала. И отсюда вполне закономерен второй, очень

важный вывод о том, что советская экономика не была социалистической экономикой. И он ее обозначает, как советский способ производства. Это не была, строго говоря, капиталистическая экономика, это была та экономика, которую тот же автор обозначает так: капитализм без капиталистов, по результатам, которые получились в ходе реализации этих намерений. Но по своим намерениям – это была социалистическая революция.

Есть и другие версии, другие объяснения. Но – что? Опять здесь можно, конечно, поспорить, и главным аргументом, во всяком случае – экономическим аргументом, который Самир Амин выдвигает, является то, что социалистическое общество нельзя связывать только с ликвидацией частной собственности. Это более широкая, более масштабная вещь, более глубокое изменение, которое должен породить именно социалистический способ производства. Но, повторюсь, что это действительно вопросы, которые требуют своего обсуждения, продолжения обсуждения. Но сама по себе выдвинутая гипотеза, выдвинутая оценка – она, мне кажется, достаточно перспективна для дальнейшего своего развития. Хотя все-таки, попутно отмечу – конечно, такие события всегда многогранные и всегда многоаспектные. И то, что вот выделено в данной работе – это один из аспектов, но не единственный. Там, возможно, накладываются еще другие обстоятельства, которые в какой-то степени, возможно, и усложняют представление о том, что же произошло и что получилось в итоге.

Это – первый момент. И второй, мне кажется, очень важный принципиальный вопрос и проблема – это по поводу природы реального, нового социализма и его перспектив. И вот в этой связи я обратил внимание на один очень важный момент, который – ну, так, в контексте работ – присутствует и в данной работе, но все-таки не получил я ответа на позицию автора. А он следующий, вопрос, очень на самом деле важный, принципиальный. Вот в процессе развития капитализма – может появиться социализм? Способен ли капитализм породить социализм? И, собственно говоря, суть марксистской трактовки заключается в том, что развитие капитализма с учетом обострения противоречий на определенном этапе неизбежно перерождается в социализм. Но вопрос возникает следующий – хорошо, почему это не произошло на Западе, где как раз вот все это мы наблюдали? И, скорей всего, уже и не произойдет. И отсюда,

судя по всему, вполне логичный вывод, который дает оценку и исторически прошлых событий и будущих событий. Социализм может зародиться только на периферии капиталистической системы. Потому что только там неукорененность капиталистических отношений. То есть, там, где формируются эти слабые звенья. Ну, собственно, почему это появился социализм в СССР, в Китае, во Вьетнаме? И значит, здесь вот возникает очень сложная проблема, которая также обсуждается в книге – а как, в этом случае, вот эти слабые звенья могут выжить в условиях борьбы с развитым капитализмом? И здесь, конечно, ответы очень непростые и неоднозначные. Я, наверное, на этом бы и закончил, поскольку, я так понимаю, надо еще выслушать автора. Но еще раз хочу сказать, что книга исключительно интересная, полезная, важная, и она толкает на очень серьезные размышления переоценки многого из того, что для нас было привычным. Спасибо за внимание.

(**А.В. Бузгалин:** Спасибо, Виктор Тимофеевич, а особая благодарность за то, что Вы были корректны, критичны и со многими Вашими замечаниями, соображениями, думаю, автору будет интересно поработать в дальнейшем. У нас исчерпан круг тех, кто хотел бы выступить по поводу книги, и сейчас самое время, думаю, дать автору тоже 10 минут, а затем – заключительные рецензии, ремарки, подведение итогов – профессору Бодрунову, руководителю ИНИРовского семинара. Пожалуйста, Самир.)

Самир Амин
профессор, директор Третьего Мирового Форума и
председатель Всемирного альтернативного форума, Сенегал

(Стенограмма выступления)

Спасибо вам еще раз. Я с большим интересом и удовольствием прослушал отзывы, в том числе критические, о моей книге. Надеюсь, у нас еще будет время, больше времени, чтобы более подробно обсудить, в какой степени высказанные суждения противоречат моим суждениям, дополняют их или являются поводом для дальнейших размышлений. Спасибо.

Начну с обсуждения текущих проблем. По моему мнению, капитализм за последние 50 лет вышел на качественно новый уровень централизованного контроля над монополистическим капиталом, указывая тем самым на то, что капитализм перестает быть системой, объективно возможной и необходимой для продолжения человеческого развития, несмотря на все его ограничения и противоречия. Напротив, он эволюционировал в систему, которая становится все более и более разрушительной по мере своего развития. Поэтому я считаю, что проблема отчуждения является ключевой. И поэтому мы не должны возводить технологический прогресс в ранг идеологии, полагая, что одни лишь технологии сами по себе способны создать новое общество и обеспечить более высокий уровень контроля. И это часть проблемы.

Но может ли капитализм перерасти в социализм? Опираясь на реальные исторические примеры, я, так же, как и В.Т. Рязанов, пришел к выводу, что капитализм не ведет к социализму. Результатом господства капиталистической системы стала самая большая поляризация общества в истории человечества. За одно столетие, точнее короткий девятнадцатый век, наметилось такое расслоение в уровне развития разных стран, какого не было на протяжении 3000 лет. Соотношение промышленных потенциалов составляло 1:1,3 или даже 1,5. Проводились разные расчеты, и все они были не в пользу Европы, причем начиная с девятнадцатого века, то есть с периода, последовавшего непосредственно после промышленной революции. Показатель достиг 1:30 перед Первой

мировой войной и на данный момент составляет 1:60, несмотря на текущие успехи развивающихся стран, революцию в России и модернизацию производства в Советском Союзе и т.д.

Эти цифры отражают глобальные результаты действия логики накопления, которая привела к пауперизации, в 100 раз превышающей ожидания и представления К. Маркса. Бытует мнение, что выводы о пауперизации неверны вследствие европейских событий, затронувших 7% населения, но нельзя зарывать глаза на изменения в уровне благосостояния 85% или 90%. Так что пауперизация абсолютно реальна. Мы пришли к таким показателям и поэтому должны интерпретировать все попытки перейти от капитализма к тому, что могло бы быть более высокой ступенью развития цивилизации, с оглядкой на современные реалии. Советский Союз (а затем Россия), Китай и другие страны столкнулись с одной и той же огромной проблемой, когда они одновременно пытались найти выход из сложившейся ситуации, создавая то, что не является капитализмом, а представляет собой этап на долгом пути к социализму; в определенной степени они справляются с поставленной задачей, развивая производство и промышленность в сочетании с эффективным развитием сельского хозяйства, однако движение в этом направлении приводит к возникновению конфликта с логикой существующего миропорядка. Конфликтные отношения потенциально могут перерасти в военные конфликты. Нужно это понимать и готовиться дать адекватный ответ. Даже если вы не ищете конфликтов и не занимаетесь их разжиганием, следует ожидать постоянной агрессии.

Можно рассуждать о том, что попытки СССР разрешить эти противоречия были эффективны, или, напротив, что они не увенчались успехом. По моему мнению – хотя я не люблю неопределенности – обе эти позиции неверны. Что сделано, то сделано, и сейчас с нашей стороны было бы крайне самонадеянно утверждать, что мы нашли бы более выигрышный выход из сложившейся ситуации. Возможно, сегодня у нас более продвинутые взгляды на некоторые вещи, но встань мы перед выбором в тот исторический период, скорее всего, мы не смогли бы предложить принципиально иное, более эффективное или гораздо более приемлемое решение. И поэтому осмелюсь утверждать, что подход, позволяющий с легкостью квалифицировать систему как

социалистическую на основании присущих ей тех или иных признаков социализма или как капиталистическую, не является действенным, потому как мы имеем дело с обществом, а во всех современных обществах, подчиняющихся логике капиталистического воспроизводства, присутствует постоянный конфликт между интересами обычных людей, с одной стороны, и волей правящих элит, с другой. При определенных обстоятельствах правящие круги могут менять свою линию поведения, и исторический итог представляет собой результат смешанного влияния разных сил. Я именно так для себя объясняю долгий путь, результатом которого стала первая революции, совершенная под лозунгами социализма – и, честно говоря, революционеры, по моему мнению, не пытались извратить основные идеи социализма. Они просто использовали социализм для создания чего-то другого – как это и произошло в России. Для меня очевидно, почему социалистическая революция не произошла в США: с моей точки зрения, американское общество находится на очень низкой ступени развития. Возможно, от США недалеко ушла Саудовская Аравия. Я не знаю, какая из этих двух стран более отсталая. Но меня несколько удивляет тот факт, что цивилизованные страны Европы не предпринимают никаких шагов для того, чтобы преодолеть противоречия капитализма.

Я полагаю, что мы, к сожалению, еще какое-то время не сможем сдвинуться с мертвой точки из-за одного фактора, значение которого недооценил сам Маркс: империалистической составляющей существующего капиталистического строя. По сути своей капитализм был империалистическим с самого начала. 1492 год неправомерно считать годом открытия Америки, потому что люди, которые там на тот момент жили, скорее всего, открыли ее раньше. Однако завоевание, насилия, случаи геноцида – многие наиболее мрачные страницы истории нашей цивилизации начались с наступлением эры капитализма, и они не прекратились по сей день. Поэтому я считаю, что мы берем на себя определенную ответственность, когда обсуждаем возможность объективной потребности в социализме. Спасибо.

(А.В. Бузгалин: Спасибо, Самир, огромное спасибо автору этой интересной творческой книги. И, к сожалению, нам пора подводить итоги нашей сегодняшней встречи. Я хотел бы

подчеркнуть, что она не случайно организована ИНИРом, потому что в книге С.Д. Бодрунова «Новое индустриальное общество. Грядущее. Перезагрузка» и – об истоках и реальности НИО; другие работы ИНИРа, журнал «Экономическое возрождение России» – это серия научных трудов, которые специально посвящены поиску того будущего, которое позволит вывести нашу страну и, не побоюсь этого слова, – человечество, на ту дорогу, которая достойна человека. Человека с большой буквы. Я рад предоставить слово для заключительных ремарок каких-то, я не знаю, может даже выводов, профессору С.Д. Бодрунову.)

**С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества
России, д.э.н., профессор**

(Стенограмма выступления)

Уважаемые коллеги! Я еще раз хотел поблагодарить нашего уважаемого гостя господина Самира Амина, который выбрал нас в качестве своих партнеров для издания этой книги в России. И я счастлив сказать, что сегодня я получил предложение и согласился, естественно, издать следующую книгу Самира Амина на русском языке – тоже нашим Институтом нового индустриального развития. Мне кажется, что мы сегодня, обсуждая эту книгу, видим достойный взгляд на Россию со стороны – со стороны человека, который не только по-другому смотрит, с мир-системных позиций, на развитие нашей страны и на потенциал этого развития. Но и человека, который не живет внутри России. Не зная ее изнутри, знает ее с другой стороны. И – уважает ее. Это тоже очень важно. Никогда не поймешь, – что с обратной стороны Луны, пока не поживешь на обратной стороне Луны. Вот здесь в этом смысле это очень такой показательный важный взгляд. Я выбрал эту книгу из множества книг для публикации по той причине, что: первое – она о России, второе – она выходит в год колossalного переворота не только в нашей российской, но и мировой истории. И третье – потому что она называется «Долгий путь к социализму в России». И вот что очень важно: в этой книге и в самом пафосе трудов господина Амина нигде не говорится, что революция, которая была у нас – социалистическая. Он считает ее народной. Об этом сегодня уже было сказано. Он считает, что нам еще надо пройти этот путь к социализму, на самом деле – впереди еще немалая дорога. Вот пафос этой книги, как я его увидел. Вот это было исходным посыпом для публикации такой книги на русском языке в наших стенах.

И я хотел бы сказать буквально несколько слов по поводу своего отношения не только к этим моментам, но и вообще к той дискуссии, которая была здесь. Самир Амин сказал, что дискуссия была краткая. Да, действительно, как и книга, несмотря на свой

небольшой объем. Но – они, как правильно коллеги заметили, содержат очень много мыслей, очень много идей, которые, знаете, так очень немного, лапидарно раскрыты. Мне представляется важным очень внимательно читать эту книгу. И вот здесь мне хотелось бы сказать несколько слов о том, что этот путь, о котором говорит Самир Амин, он на самом деле – путь, он должен привести к некой цели, о которой мы говорим. Но, к сожалению, или не к сожалению – это так, констатация факта – очень мало кто говорит, практически – никто не говорит, как к этой цели идти. Все замечательно, – «локомотивы истории», кто спорит. Всякое активное действие, в том числе революция, подталкивает к другим активным действиям, таким образом являясь локомотивом таких действий, в том числе исторического процесса. В этом смысле можно согласиться с Марксом, с Лениным, что это действительно локомотив истории. Но не только революция – локомотив истории, война тоже – локомотив истории, если на то пошло. И многие другие вещи сегодня им являются. И даже выход хорошей книги, того же «Капитала» Маркса, которой мы будем праздновать юбилей – это тоже локомотив истории, на мой взгляд, потому что он дал очень многое более, даже может быть, революционного, для того, чтобы пройти быстрее и правильнее этот путь.

Я хотел бы еще раз свою точку зрения на революционные события обозначить, может быть, акцентировать. Я считаю, что революция – это важное и правильное дело. Революция как способ приведения системы, разных ее сторон, частей, в адекватности друг другу, если хотите – но не методы, которые ассоциируются с нашей революцией того времени. Методы, способы, которыми устраивали революцию. Думаю, никто не собирался устраивать Гражданскую войну, лить кровь и т.д., но вот всякие такие риски, выходя из-под контроля инициаторов – они всегда приводят к тому, что вступают в силу, извините за тавтологию, те силы, которые вовсе не собираются достигать целей революции, а собираются использовать ее, чтобы достичь совсем других целей. И здесь методы и способы, применяемые в силу возникающей бесконтрольности ситуации, неразумности, могут быть такие, которые потом сторнируют, извините за бухгалтерское выражение, все эффекты самой революции, как у нас в свое время произошло с нашей экономикой, когда «разрушили до основания, а затем»... А затем пришлось – с

новыми силами, новыми жертвами – восстанавливать, хотя могли бы сделать, продвинуться и без этого. Хотя, безусловно, кто спорит о том, что это был более прогрессивный социальный строй, у нас люди имели больше доступа к социальным благам.

Еще одно замечание касается выступления нашего австрийского коллеги, насчет того, что открыть «ящик Пандоры» легко, а закрыть сложно. Здесь прозвучала фраза, что ящик Пандоры был открыт раньше, – и я, наверно, соглашусь, я несколько образно применил это выражение. Ящик Пандоры – это назревающие противоречия. И вот срыв вот этой пломбы этих противоречий – это как раз я имел в виду ящик, когда мы открываем. Другое дело, что открыть его можно ключом, а можно взрывом – разные способы. Так вот – я говорил о способах. Я не говорил, что я против того, чтобы не вести преобразования. Любые быстрые действия, которые приводят систему, экономическую систему, в частности, в равновесие, – это есть все равно революция. Как бы не называли ее – медленно там очень, эволюция и т.п. – все равно это изменение. Революция – это ре-volution, из-менение. Вот это изменение, которое мы сегодня рассматриваем на опыте нашей революции, на опыте России, на той замечательной книге, которую господин Амин нам предоставил, – огромный пласт размышлений по этому поводу, мы можем сделать много выводов разных. Но здесь собрались, в общем-то, марксисты в основном. Потому что господин Амин – марксист, и мы его пригласили сюда для того, чтобы услышать его мнение, увидеть его взгляд, хотя мы в ИНИРе не придерживаемся такой чисто марксистской позиции, мы исследуем процессы теми методами, которые, как мы полагаем, необходимо использовать и которые мы представляем публике. Тем не менее, мне кажется, в данном случае я больший марксист, чем даже те марксисты, которые сегодня здесь собрались, не в обиду кому-либо будет это сказано. Потому что я всегда выступал за примат, чисто по Марксу, материального производства. Материальное производство – это главное, за ним следуют экономические, социальные и прочие отношения. Изменения в первую очередь назревают в этих условиях, в этих, в материальной части. Вот сегодняшний прогресс гораздо более быстр в той части знания, которая сублимируется в технологиях, технологическом развитии и т.д. И об этом вы же сами – в разной форме, говорили только что, коллеги. Вдумайтесь!

Человек изобретает все больше и больше инструментария для дальнейшего удовлетворения своих потребностей. Однако – для дальнейшего удовлетворения потребностей не только материальных, но – и духовных. Вот что важно! Другое дело, изобретя динамит, можно использовать его для того, чтобы породу взрывать, а можно снаряд начинить. Вот если у нас ума хватит не начинять снаряд (вот об этом я говорю!) – вот тогда, в этом случае, мы можем успеть за развитием технологического прогресса. Который, глобально говоря, не остановим! А если нет, то будет у нас то же, что было в те времена всякий раз, когда материальное производство, материальная часть развивается быстрее и толкает на создание новых отношений, а архаичный аппарат, тип отношений или сложившийся инструментарий управления обществом не позволяет адекватно ответить на эти изменения. И в каждый момент можно критиковать эту позицию, как угодно говорить на примерах, что то или другое происходит не так в данный момент. Собственно, вывод господина Амина об империалистической ренте, влекущей накопление, увеличение разрыва между странами – это наш же вывод о том, что лидерами в гонке развития являются те, кто получает больший доступ к технологиям, к знаниям, и этот рост, «ускорение ускорения», как я это явление называю, в отсутствие адекватных изменений в общественном устройстве, и порождает рост этого разрыва уже на глобальном уровне! На самом деле весь ход истории говорит об этом. И даже наша дискуссия – об этом вопиёт! Вот «учение Маркса всесильно, потому что оно –помните? – верно». Вот в этом плане, я думаю, что то общество, о котором говорил Маркс, общество, в котором «человек выйдет за пределы материального производства», где он станет «над производством» как «регулировщик» этого производства, вы помните эти замечательные мысли нашего классика, – я думаю, что это общество создается не боевыми действиями, не отрядами вооруженных фалангистов, а создается в тех лабораториях, в тех технологических условиях, которые сегодня позволяют знание получить, и которое позволяет это знание применить. И это мой ответ и Самиру Амину, и – особенно – коллеге Дворжаку. Вот это – одна часть знаний. Вторая часть знания – это наше осознание – что можно, а что нельзя. Вот «что можно, а что нельзя» – это культура. Это не попса, которая прыгает на сцене где-то, это не художественные произведения,

которые висят в галереях. Это – культура нашей жизни, культура в целом. Это не только искусство, как часто говорят – культура это то-то. Министр культуры – это министр искусства у нас на самом деле, а не министр культуры. В этом плане, я считаю, что это – другая часть знания, нашего знания, самоосознания самих себя как личностей, что мы можем делать, а что нет в рамках своих интересов личных, в рамках социума, и т.д. Если эти интересы будут сопрягаться своевременно с теми самыми знаниями, интересами, которые есть в другой сфере, в сфере нашего материального развития, – только в этом случае мы можем получить более-менее гармоничное общество. Я поэтому не зря сегодня обращал внимание на то, что говорил, например, Жан Терентьевич, что появляются новые ростки уже в социальной сфере, в сфере отношения людей к материальному производству, к жизни и т.д. Еще раз возражу коллеге Дворжаку – в историческом развитии рост безработицы сейчас – не хорошо или плохо, не «потеря поколений» утилитарно, а просто проявление той могучей силы, которая движет человеческой цивилизацией, ее развитием. Закономерное и – подчеркну – неизбежное проявление. И оно будет развиваться. И оно будет создавать напряжение. И снимать его, это отчуждение, можно только в неразрывной совокупности тех двух «начал» в знании, о которых я сказал. Для тех, кто отстает в технологическом знании, – задача «дорasti» до уровня лидеров. В частности для России, иначе – быть ей периферией, в терминах Самира. Мне кажется – эта позиция, которую я многократно описывал в разных своих книгах много-много лет, частью которой является моя позиция по реиндустриализации России сегодня, восстановлению приоритета материального производства. Подчеркиваю, не по наращиванию количества компьютеров, как сказал профессор Дворжак, и не по строительству тракторов советского производства, как мне сказали в Институте экономики, когда я на Ученом совете там выступал: «Бодрунов хочет снова заставить наши поля советскими тракторами, возродить советский строй» – не хочу возродить советский строй! Я хочу, чтобы это было новое материальное производство, качественно новое. Я хочу восстановить приоритет материального производства в экономическом развитии. Вот этого я хотел бы. Приоритет качественно нового производства на новой технологической основе, с новыми знаниями и т.д. Но я еще раз

подчеркиваю – это должно происходить синхронно с изменениями в общественных отношениях. Для этого надо вот эти знания «второго типа», сакральные знания, я бы сказал, вкладывать в человека параллельно тому, что вкладывается в материальную часть. То есть – при приоритете материального производства не забывать о человеке. Создавая тем самым «нового человека», разумное общество, ноообщество. Идя таким путем к вышеозначенной цели. Спасибо! (Аплодисменты).

(А.В. Бузгалин: Большое спасибо, Сергей Дмитриевич! Дорогие друзья, мы завершаем нашу встречу. Я хотел бы, не подводя никаких итогов, со своей стороны подчеркнуть, – мы не первый раз собираемся в этом замечательном зале, и я уверен, это – не последняя встреча. Более того, впереди целый ряд больших интересных дискуссий в рамках Конгресса возрождения производства, науки, образования в Москве в конце ноября. Мы надеемся, что в следующем году, году 200-летия Маркса, мы проведем немало интересных обсуждений, посвященных этой теме. У нас впереди – традиционный Санкт-Петербургский экономический конгресс и много других интересных дискуссий. А сейчас я хотел бы сказать большое спасибо всем, кто помог организовать эту встречу. Специально хотел бы подчеркнуть, что эта работа была бы невозможна без ВЭО России, его Международного комитета, ИНИРа. Его руководитель, директор ИНИРа – президент ВЭО России С.Д. Бодрунов, исполнительный директор института А.А. Золотарев, старший научный сотрудник Н. Яковleva, все сотрудники института. Специально скажу, что Дом ученых – это удивительное место, где вот эта атмосфера истории, жизни и творчества создает, наверно, важные импульсы для нашего разговора, поэтому – огромная благодарность коллективу этого дома. Спасибо переводчикам! До свидания!)

Международный экспертный диалог «Через 100 лет после Революций: подводя итоги» / Материалы научного семинара ИНИР им. С.Ю. Витте / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2017. – 83 с.

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Подписано в печать: 05.12.2017.
Тираж 1000 экз. 83 с.
Заказ № 2600450

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16